

Министерство образования и науки Российской Федерации

Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса

Н.В. ШИНКОВСКАЯ

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕОЛОГИИ
В ИСТОРИИ РОССИИ**

Учебное пособие

*Рекомендовано Дальневосточным региональным
учебно-методическим центром (ДВ РУМЦ)
в качестве учебного пособия для студентов
специальностей 030201 «Политология», 080504
«Государственное и муниципальное управление»
вузов региона*

Владивосток
Издательство ВГУЭС
2005

ББК 66.017я73(2)

Ш 83

Рецензенты: Биневский А.А., декан факультета философии, теологии и регионоведения, канд. филос. наук, профессор (ДВГУ);
Кузнецов А.М., декан факультета политических наук и социального управления ВИМО АТР (ДВГУ), д-р ист. наук, профессор

Шинковская Н.В.
Ш 83 **ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕОЛОГИИ В ИСТОРИИ
РОССИИ: Учеб. пособие.** – Владивосток: Изд-во
ВГУЭС, 2005. – 104 с.

ISBN 5–9736–0019–X

Эта книга – экскурс в историю зарождения, эволюции и формирования классических западных идеологий на российской почве, а также идейно-политических течений, порожденных своеобразием политического развития России.

Предназначена для студентов-гуманитариев, специалистов-обществоведов, а также широкого круга читателей, которым она поможет увидеть и понять исторические корни трудно объяснимых порой проблем современной России, более осознанно оценить возможности и направление общественного сознания россиян.

ББК 66.017я73(2)

Печатается по решению РИСО ВГУЭС.

ISBN 5–9736–0019–X

© Издательство Владивостокского
государственного университета
экономики и сервиса, 2005

ВВЕДЕНИЕ

Прерванные более чем на полвека научные споры о соответствии той или иной системы идеологических ценностей характеру российской цивилизации, ее целям и смыслу, которые столь активно велись на страницах книг, научных и общественных журналов в конце XIX – начале XX веков, вернулись в современную общественно-политическую мысль, обогащенные исторической практикой. Освободившись ценой бедствий и страданий нескольких поколений от идейного плена социальной утопии, претендовавшей на роль единственной научной программы переустройства общества на началах справедливости и равенства, общественное сознание вернулось к исходным позициям. Осознав тупиковость избранного пути, оно бросилось к альтернативному варианту развития, по которому последовательно шел западный мир и который был отвергнут интеллектуальной мыслью России в начале века – варианту, ориентированному на ценности либерализма. Однако свойственный российской политической мысли методологический волюнтаризм¹ проявился в преувеличении позитивных и наиболее привлекательных сторон либерализма (плюрализм, демократия, отсутствие дефицита и т.п.) и игнорировании негативных (жесткая конкуренция, свобода обогащения, социальное неравенство). Помноженные на правовую необеспеченность, отсутствие правовых гарантий и демократических механизмов на всех уровнях взаимоотношений государства, общества и личности, которые западное общество вырабатывало параллельно с развитием капитализма, негативные проявления либерализма вызвали довольно быстрое разочарование в демократии и поставили под вопрос приемлемость либеральных ценностей для российского общества. Это состояние получило название идеологического вакуума. Отсутствовала интегрирующая государственная идеология, что, однако, не исключало структурно не подкрепленного идейного плюрализма. В общественном научном и обыденном сознании складывалось понимание того, что разрушение структур и механизмов тоталитарного общества не приводит к автоматической замене их на демократические. Для этого необходимы глубокие структурные преобразования и, прежде всего, в экономической и социальной сферах, которые требуют времени. Кроме того, тоталитарная политическая система была бы невозможна без укоренившейся в обществе тоталитарной политической культуры. И чем радикальнее

¹ В данном случае имеется в виду произвольное обращение с обществом, игнорирование соотношения его реальных экономических и социальных параметров с потребностями и возможностями, навязывание не имеющих оснований в экономической и социальной жизни форм и целей развития.

базисные преобразования, тем сложнее и длительнее экономическая и идеологическая адаптация как массового, так и элитарного сознания к самому факту функционирования негосударственной экономики и негосударственной сферы интересов, связываемых понятием «гражданское общество». Соответственно без последовательного разрастания в обществе новых социально-экономических структур будет сохраняться эфемерность идейно-политических конструкций, лишенных стабильной социальной базы. На Западе демократия выростала из идейно-ценностных конструкций либерализма. Как показала практика, демократия не может быть *нелиберальной*. «Социалистическая демократия», предложенная большевиками, обернулась тоталитаризмом.

Победа либералов в России как реакция на господство антилиберального режима, как попытка общества найти новый нравственный идеал, новую нравственную основу для объединения общества натолкнулась на противодействие самого общества. У нас, теперь уже по общему признанию, и не могло возникнуть подлинного, образцового, западного либерализма в силу того, что наше общество живет в условиях *нелиберальной* среды. Либерализм в России, как исследователи отмечали еще в начале 90-х годов, – это ценностное, векторное понятие. Его нет, но к нему стремятся, ищут и конструируют, в каждый момент времени сверяясь с мировым опытом. Ясно и то, что попытка привить мировой опыт на чужую почву всегда дает непредсказуемый результат, весьма далекий от ожидаемого. Поэтому вслед за крушением тоталитарно-коммунистической идеологии российскому обществу пришлось пережить крушение радикально-либеральной модели образца 1991 года, после чего Россия оказалась в идейном и ценностном вакууме, что, предупреждают ученые, усугубляет ее системный кризис и затрудняет переход к восходящей фазе развития.

Как заметил историк и философ М. Гефтер, история (как и любой общественный феномен, любой процесс, историческое событие или явление) никогда не начинается с нуля, она всегда начинается с начала. Нынешний образ мыслей россиян сжато и конспективно содержит в себе всю историю нашей страны и ее земель со всеми изломами, противоречиями, зигзагами. Но в большей степени с традиционными константами в сознании, диктующими типы исторического поведения, отношения к власти, реформам, государству.

Одной из таких наиболее важных, определяющих развитие России констант является особое внимание, всегда уделявшееся российским государством созданию общенациональной идеологии, которая бы направляла, ограничивала, акцентировала на определенных ценностях сознание народа.

Первой доктриной, получившей официальное признание и положенной в основу государственной идеологии, стала провозглашенная псковским старцем Филофеем идея «Москва – Третий Рим». Религия была использована в качестве идеологии для обоснования единого государства. В соответствии с «государственной идеей» Московского царства оно представлялось как «рай земной», наследующий идеи и миссию Христа. Наряду с обоснованием беспрекословного подчинения всебожественной по происхождению царской власти, верности православию, Филофей уделяет внимание формам идеологического воздействия на население со стороны государственной власти, требует запрета на свободу суждений и научных исследований «внешнего мира».

Отгеснив церковь от власти, русские монархи сформировали для себя государство, являющееся «источником всех полномочий, и всякого законодательства, и всякой деятельности или творчества», так называемое «*полицейское государство*», смысл которого, как определил Г. Флоровский, во «вбирании всего в себя» государственной властью. Полицейское государство «есть не только и даже не столько внешняя, сколько внутренняя реальность. Не столько строй, сколько стиль жизни. Не только политическая теория, но религиозная установка». «Полицейзм» есть замысел построить и «регулярно сочинять» всю жизнь страны и народа, всю жизнь каждого отдельного обывателя ради его собственной и ради «общей пользы» или «общего блага»². Отечественный полицейзм был обязан своим длительным существованием и процветанием тем основам, которые существовали еще в Московском царстве. «Встречные потоки «всепоглощающего государства» и подданнического оппортунизма (от буквального значения «удобный») создали уникальный микроклимат, где насильник вынужден заботиться о жертве, «чада», хоть и не могут терпеть «родителя», но и прожить без него не способны. Такие условия невозможно обеспечить чисто силовыми методами, нужна некая духовная солидарность государства и общества, в создании которой не последнюю роль играет и государственная идея»³.

В ходе одного только XX века, как заметил первый российский президент, сменилось несколько вариантов государственной идеологии. «Монархия, тоталитаризм, перестройка и демократический путь развития. На каждом этапе была своя идеология. А у нас ее сейчас нет. И это очень плохо»⁴.

² Флоровский Г. Пути русского богословия. – Вильнюс, 1991. С. 83.

³ Щербинин А.И. Через полицейзм к тоталитаризму // Полис. 1994. № 1. С. 186.

⁴ Российская газета. 1996. 13 июля.

На какое-то время демократизация 90-х годов XX столетия потребовала отказа от государственной идеологии. В соответствии со ст. 13 Конституции Российской Федерации 1993 года признается идеологическое многообразие и «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Однако очень скоро стало ясно, что без поиска новой системы идейных ценностей в стране не обойтись. Б.Н. Ельцин, вполне в духе традиции, поставил задачу «во имя интересов спасения страны и народа» обосновать «русскую идею» применительно к новым условиям, то есть создать новую национальную идеологию, которая помогла бы прекратить смуту, стабилизировать новое общество, определить перспективы его дальнейшего развития, «сочинить» дальнейший путь развития России. И, следуя той же традиции, научная интеллигенция восприняла возложенную на нее задачу как «честь», как «долг» перед страной и народом и взялась конструировать новую идеологию, стремясь к ее «научности», «объективности», «учету интересов *всего* народа и государства». На страницах научных и художественных журналов развернулась дискуссия о том, какой должна быть национальная идеология России на современном этапе: единой для всего общества или необходим плюрализм идеологий для достижения национального консенсуса; является ли либерализм спасением для России? Одновременно складывалось понимание того, что либерализм, особенно западный, в чистом виде не может явиться той единственной основой, на которой должно развиваться дальше российское общество.

Национальная и социальная идеи, возникнув почти параллельно, в конечном итоге породили в определенном сочетании тот общественно-политический порядок, в условиях которого Россия жила в XX веке. Этот общественно-политический строй обошелся без либерального демократизма, создав советский «псевдодемократизм», в значительной степени замешанный на особом типе консерватизма. Россия, как выяснилось, несмотря на претензии на прогресс, – страна с сильными консервативными традициями, обусловившими характер политической культуры. Поэтому многие настаивали на том, что консерватизм должен стать равноправной составляющей государственной идеологии.

Негативное отношение к социализму постепенно преодолевается, с одной стороны, тем, что либерализация не оправдала возлагавшихся на нее надежд демократами первой перестроечной волны, с другой – постепенным пониманием того, что не только социалистическая идеология виновата в создании тоталитарного государства.

Таким образом, можно констатировать, что все идеологии, наконец, получили в России равные права на существование и обоснование. Это,

однако, не означало необходимости отказа от государственной идеологии: впервые возникла возможность формирования государственной идеологии, ориентирующейся на общие ценности и цели.

Историческая традиция связывала национальную идеологию с поисками мифической «русской идеи», призванной определить высшее предназначение и особый путь России, сформулировать национальную сверхзадачу, что уводило от реальных интересов и объективных условий развития. В научных и публицистических дискуссиях проблема отбора «наиболее перспективных» с точки зрения национальных интересов идеологий и возможности их синтеза сопровождалась предупреждением избегать повторения ошибок прошлого. Одновременно высказывались опасения, что заказы на национальную идеологию могут подтолкнуть к формированию очередной монополюющей или претендующей на гегемонию квазиидеологии.

Наиболее радикальным противником провозглашения государственной доктрины выступила сама власть в лице ее президента, неоднократно в своих выступлениях, интервью заявлявшего, что он «против восстановления в России государственной официальной идеологии в любой форме», написание национальной идеи и внедрение ее он считает «делом пустым и совершенно бессмысленным», понимая, по его собственному признанию, что «наше общество уже сильно повзрослело» и люди, и «их понимание жизни изменились», а главное, наверное, что навязать народу духовно и социально чуждую ему систему ценностей, не соответствующую условиям его жизни, невозможно. После семидесятилетней государственной демагогии о всеобщем социальном равенстве сложно требовать от общества признания неравенства общенациональной ценностью. Поэтому основную задачу власти в процессе формирования «контуров общенациональной идеологии» В.В. Путин видит в «укреплении экономики, государства, институтов демократии», т.е. в изменении параметров самого общества и характера социально-экономических отношений в нем, при которых «сами люди будут готовы следовать базовым общим целям», государством обозначенным, и признать результаты «реформ, которые сейчас идут»⁵.

Другой стороной проблемы является дискутируемая современной наукой идея о неактуальности идеологической составляющей современной политики, в соответствии с которой в новых условиях политики «постмодерна» идеологии утрачивают былой политический статус, вы-

⁵ Независимая газета. 1999. 20 декабря; Независимая газета. 2000. 25 февраля; Известия. 2000. 11 июля.

тесняются на политическую периферию, теряют лидерство в формировании нормативно-символической сферы⁶.

Идеологический период политической практики западных демократий сформировал предпосылки для укоренения рациональных отношений человека с государственной властью и политическими институтами. Определенную роль в описываемых процессах сыграло и становление системы юридических гарантий гражданских, политических и социальных прав личности (независимо от ее групповой принадлежности), как бы выключившей из политического дискурса целые блоки традиционных для модерна проблем, переведя их в правовую или даже моральную плоскость. Формирование такой системы хотя и не означало полной политической бесконфликтности соответствующих обществ, но свидетельствовало о достижении качественно иного уровня стабильности власти и ее отношений с обществом. В любом случае качественное изменение «повестки дня» в сочетании с индивидуализацией запросов к власти способствовало усилению массового конформизма и «демократического потребительства», подкреплявших тенденцию к отказу широких слоев населения от активного участия в политической жизни.

Однако сравнение мировых тенденций и российских реалий дает качественно иную ситуацию. С одной стороны, втягивание страны в структуры глобального сетевого общества, а также целенаправленные усилия властей по строительству информационной вертикали создают благоприятные условия для усиления рекламных способов символизации. Существуют и другие факторы, работающие на деидеологизацию политического процесса: наблюдающийся приоритет идеологий частных, не претендующих на мировоззренческие функции; партии в большинстве своем отходят от принципов идейной консолидации, предпочитая функционировать в качестве универсальных электоральных структур; существенна тенденция к уклонению населения от публичной политики. Одновременно, «транзитное состояние российского общества характеризуется совмещением различных потоков социальных изменений (традиционалистских, модернистских и частично постмодернистских), что определяет иные соотношения между формами организации политического дискурса, типами нормативно-символической коммуникации» в отношениях между государством и обществом.

⁶ Левин И.Д. «Партия» и модернизация: российские варианты // Полития. 2000. № 1; Пшизова С.Н. Демократия и политический рынок в сравнительной перспективе // Полис. 2000. № 2–3; Соловьев А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. 2001. № 2; Малинова О.Ю. Партийные идеологии в России: атрибут или антураж? // Полис. 2001. № 5.

вом»⁷. Большинство российских теоретиков, в том числе: Т.А. Алексеева, Б.Г. Капустин, И.К. Пантин, считает, что в развитии российской политики и соответственно ее духовной сферы сохранится приоритетное положение идеологии, более того, формирование национальной идеологии – проблема будущего России. Национальная идея невозможна без существования «общероссийской нации, в которой «политическое согражданство» и культурная общность должны доминировать над всеми иными формами индивидуальной и корпоративной идентификации (этнической, религиозной, партийно-политической и т.п.)». Но если формирование общенациональной идеологии – дело будущего, то «интересы выживания России, преодоления затянувшегося кризиса и перехода к восходящей фазе развития со всей остротой ставят на повестку дня проблему новой *интегративной* (объединительной) идеологии»⁸.

Политолог А.И. Соловьев, скептически относясь к перспективе идеологической ориентации российской политической жизни, признает, что «нельзя сбрасывать со счетов и то, что по типу рефлексии политическое мышление подавляющей части населения все еще крайне идеологично и воспроизводит соответствующие стандарты и стереотипы даже тогда, когда для этого нет никаких оснований»⁹. Переход же к «более рациональным, отвечающим духу идеологии способам рефлексии» в нынешней ситуации был бы для многих несомненным прогрессом. В конечном итоге и политологи, и политики сходятся в том, что необходимость духовной консолидации России жизненно важна для сохранения и развития отечественной государственности, а в условиях России это усиливает стратегическую роль идеологии, помогающей объединить общество и определить ориентиры на долгосрочный период. В то же время торжество партикуляристского сознания или сдвиг «приоритетных ценностей в пользу индивидуальных, прагматических начал семейного благополучия, покоя и порядка, которые вытеснили на... периферию ценности общенациональные, гуманистические, связанные с проблемой выживания, как собственного народа, так и всего человечества в целом»¹⁰, не исключает потребности в идеологии как таковой. В этом смысле задача включения «идеологии частных интересов» в некий нравственный, правовой строй, где эти частные интересы не могли бы деградировать в

⁷ Соловьев А.И. Политическая идеология: история эволюции // Полис. 2001. № 2. С. 21.

⁸ Проблемы и суждения: идеологическое измерение современной России // Полис. 1997. № 3. С. 18–19.

⁹ Соловьев А.И. Указ. соч. С. 22.

¹⁰ Шестопад Е.Б., Брицкий Г.О., Денисенко М.В. Этнические стереотипы у русских // Социс. 1999. № 4. С. 70.

«войну всех против всех», несомненно, актуальна»¹¹. Как показывают исследования, смена настроений от приверженности общественно значимым целям к частным интересам, и наоборот, – процесс циклический, отмечавшийся во многих политических культурах¹². И не исключено, что «по прошествии некоторого (вероятно, довольно длительного) времени идеи, «уводящие за горизонт», стремящиеся оторвать обывателя от повседневности и повести его к великим историческим свершениям, вновь станут популярными. Современное состояние массового сознания стимулирует идеологов на поиски идей, способных превратить обывателя в гражданина, сознающего свои интересы и соизмеряющего их с интересами общества и других граждан.

Политическая идеология как никакой другой социально-политический феномен предрешена традициями национальной культуры (в ее широком понимании), характерные черты которой находят в ней свое рельефное отображение, хотя нельзя отрицать существования и обратной связи. Экскурс в историю зарождения, формирования и эволюции классических западных идеологий на российской почве, а также идейно-политических течений, порожденных своеобразием политического развития России, поможет увидеть исторические корни трудно объяснимых порой проблем сегодняшнего дня, более осознанно оценить возможности и направления эволюции общественного сознания россиян в будущем.

¹¹ Алексеева Т.А., Капустин Б.Г., Пантин И.К. Перспективы интегративной идеологии: Тезисы // Полис. 1997. № 3. С. 48; Малинова О.Ю. Указ соч. С. 99–100.

¹² См.: Гаман-Голутвина. Стратегия развития в ценностном поле российского общества // Полис. 2000. № 1. С. 32–33.

Тема 1

ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Политическая идеология – общественно-политический феномен, впервые осознанный и теоретически осмысленный западноевропейской философией, приобрела на российской почве и сущностно, и функционально иные черты. Сопоставление истории идей и истории политического, социально-экономического развития российского общества приводит исследователя к выводу о том, что внешнее сходство идеологического спектра России и Европы – иллюзия, порожденная рефлексией русской общественно-политической мысли по поводу европейской практики. Идеологии в России всегда имели символический характер, поскольку являлись лишь сугубо интеллектуальной традицией. Идеологические конструкции классического либерализма, консерватизма, марксизма не имели соответствующих структур в российском обществе, никогда не были связаны с реальным характером социально-экономических отношений. Российская общественно-политическая мысль в лице европейски образованных представителей, изучая и анализируя западный опыт, отбирала наиболее соответствующие потребностям русского общественного развития идеи, не имевшие соответствующих корней, в результате чего они превращались из практических в абстрактные.

Идеология на Западе всегда имела практический характер. Она обосновывала определенную общественную практику и предполагала соответствующий образ политического действия. «В России, – отмечает В.Л. Пастухов, – практические цели и действия могут отличаться от их идеологических формул, как ночь ото дня. На Западе из смены господствующих идеологий можно делать вывод о реальных преобразованиях в общественной жизни, но определить характер перемен исходя из меняющихся идеологических установок в России бесполезно. Между ними нет прямой корреляции»¹³.

«Иллюзорность», «абстрактность», «надмирность» и, соответственно, «непрактичность» – определения, закрепившиеся в философской и общественно-политической литературе за понятием «русская идеология». Ее устремленность в будущее, к абстрактным, отвлеченным целям, потустороннему миру абсолютных ценностей связывают со стремлением убеждать от необходимости решать неразрешимую задачу совмещения исключающих друг друга целей в повседневной практиче-

¹³ Пастухов В.Б. Конец русской идеологии. Новый курс или новый путь? // Полис. 2001. № 1. С. 54.

ской посюсторонней и относительной жизни. «Если бы «русская душа» не искала убежища от действительности в отвлеченной идее, то русская идеология шла бы «вразнос», как аварийный двигатель. Только в такой экзотической форме русская идеология обретает реальную возможность развития»¹⁴. Особенность этой идеи состояла в том, что она органично соединяла в себе ориентацию как на Запад, так и на сохранение самобытности, выступая интегратором того духовно-политического феномена, который назывался русской идеологией. Ю. Пивоваров обращает внимание на то, что поиски смысла существования России всегда вводили русских мыслителей в «умопостигаемый» образ русского народа, их интересовало не то, «**чем эмпирически была Россия, сколько вопрос о том, что замыслил Творец о России**»¹⁵. Именно так выразил цель своей работы Н.А. Бердяев, с таких позиций подходили к проблемам российской действительности большинство русских мыслителей рубежа XIX–XX веков.

Анализ особенностей российской идеологии в русле общей проблемы влияния Запада на нашу политическую культуру и общественную жизнь – типична для отечественного национального сознания. Сравнение с Западом сопровождает любые научные изыскания. Отношение к Западу всегда было необходимым элементом русской культуры, сравнение с Западом превращается в самостоятельный ракурс рассмотрения любой внутренней проблемы, а противоречие между внутренней потребностью ориентироваться на развитие Запада и желанием сохранить самобытность своей культуры – становится характерной чертой сознания мыслящего россиянина.

Запаздывающий характер развития российской цивилизации и обгоняющая историческое развитие интеллектуальная мысль ее передовых представителей порождали непреодолимое противоречие, состоявшее в том, что российское общество всегда было еще не готово к идеологическим проектам, к которым было готово сознание передовых людей своего времени. Она (идеология) не имела своей социальной базы, поэтому не могла зародиться в соответствующих социальных слоях. Носителями и выразителями всех идеологических конструкций были высшие образованные слои общества, они не имели возможности стать активными проводниками той или иной идеологии, как это было на Западе, т.к. никогда не допускались к осуществлению власти и даже влияние на нее имели очень ограниченное. Это специфика русской системы власти, представленной «самодержавной властью, единой и неделимой, качественно однородной и по сути единственной... единственной не только

¹⁴ Пастухов В.Б. Конец русской идеологии. Новый курс или новый путь? // Полис. 2001. № 1. С. 54.

¹⁵ Пивоваров Ю., Иноземцев В. Бессмысленность вопрошания // Свободная мысль – XXI век. 2004. № 1.

как власть, но и как субъект (моносубъект) хорошо описана Ю.С. Пивоваровым и А.И. Фурсовым¹⁶. Традиционная организация власти в России характеризовалась выведением всего общества за границы ее осуществления. Такая организация могла существовать только на основе методов жесткого контроля, централизации, присвоенного права на произвол в защите закона. Власть стремилась облечь собственные права, цели, методы в идеологически оформленные теоретические установки, которыми она связывала общество, скрепляла идейное единство государства и общества. В результате в России сформировалось общество, веками воспитанное в духе покорности государству, пренебрежения своими интересами во имя государства, общество всегда, в конечном итоге, принимавшее и оправдывавшее государственный произвол.

В отличие от основных стран Запада российское государство не прибегало к демократическим институтам, опиралось не на волю народа, а на бюрократический аппарат, использовало православие в качестве государственной религии. «Тотальное присутствие государства практически во всех сферах жизни делало его важнейшим фактором трансформации российского общества: в разные периоды истории государство способствовало как *модернизации* общества, так и его *замкнутости и отсталости*; единственно, чему оно не способствовало никогда – это *его саморазвитию*...¹⁷.

На Западе национально-государственная идеология рождалась в недрах общества и навязывалась государству. В России она рождалась в недрах государства и навязывалась обществу. Национальная идеология европейских стран отличается от российской идеологии так же, как европейская политическая культура отличается от российской. Она формируется в плюралистическом обществе, в котором достаточно четко выявлено многообразие идеологий, основанных на выкристаллизованном интересе различных социально-политических групп населения, имеющих различные и схожие ценности и цели. Национальная идеология в этом случае не является доктриной, она оформляется не как жесткая навязываемая всему обществу со стороны власти система. Она возникает на базе общих для всех групп данного социума ценностей и формируется снизу вверх. Это не исключает наличия и эксплуатации мифов, но существуют осознаваемые обществом и принимаемые им границы, в пределах которых может маневрировать власть.

Развитие буржуазных отношений в Европе привело к постепенному проникновению в государственную идею настроений и принципов либерализма, потеснивших в сознании общественности идеи Гегеля и его

¹⁶ Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская система» как попытка понимания русской истории // Полис. 2001. № 4. С. 37.

¹⁷ Иноземцев В. Бессмысленность вопрошания // Свободная мысль – XXI век. 2004. № 1.

последователей, утверждавших, что интересы целого, т.е. государства, стоят превыше других интересов. Идеи А. Смита, В. фон Гумбольта, Дж. Милля, ориентировавшие на разделение интересов «частного» человека и интересов государства, как властного центра и как политического сообщества, а также на создание гарантий прав личности, формирование групп интересов и их организационное оформление в качестве институтов «гражданского общества», способствовали развитию европейской теории государства как правового.

Отсутствие в России экономических и социальных институтов буржуазного общества переносило проблему интересов в чисто интеллектуальную область. Европейский либеральный канон не состыковывался с насущными потребностями российского общества, что не могло не компрометировать либеральные ценности в глазах защитников привычных для крестьянства совместных форм хозяйствования, в глазах противников крепостничества, наконец, в глазах поборников территориальной целостности России. Приобщение России к либеральным ценностям и, в первую очередь, к индивидуальным правам и свободам не произошло и не могло произойти. Потому что «Россией общинной лозунг гражданских прав личности мог быть воспринят в лучшем случае как некая отвлеченность... Россией полиэтнической лозунг политических прав личности, равно как и лозунг создания гражданского общества с присущим ему самоуправлением, грозили распадом (ведь многоплеменное государство скреплялось по преимуществу абсолютной властью монарха и централизованным государственным аппаратом)... в России крепостной принципы «прав личности» и «прав собственности» приходили в коренное столкновение друг с другом»¹⁸.

Российский юрист, теоретик правового государства Б. Кистяковский в работе «В защиту права (интеллигенция и правосознание)»¹⁹, написанной в начале XX века, обращал внимание на традиционную неразвитость в правосознании русской интеллигенции идей, связанных с правами личности и правовым государством. Одну из причин «правового нигилизма» он видел в невнимании общественных и юридической наук к пропаганде значения идеи права, правовому воспитанию. При наличии в России около полутора десятков юридических кафедр «юридическая наука не создала не только книги, но даже правового этюда, который имел бы широкое общественное значение и повлиял бы на правосознание нашей интеллигенции»²⁰. Основы правовой жизни и правосознания, как полагал Кистяковский, не могли быть выработаны одним народом для другого, каждый народ должен иметь свой «Дух законов» и

¹⁸ Консерватизм и либерализм: истории и современные концепции: Материалы международной научной конференции, 15 февраля 2002 г. – СПб., 2002. С. 8.

¹⁹ Кистяковский Б.А. «В защиту права». Вехи. Из глубины. – М., 1991.

²⁰ Там же. С. 12.

«Общественный договор». Они могут возбудить его волю к активности, но нет единых и одних и тех же идей свободы личности и правового строя, конституционного государства одинаковых для всех народов и времен. Недостаточно заимствовать эти идеи, они должны быть пережиты сознанием каждого народа. Все правовые идеи в сознании каждого отдельного народа получают своеобразную окраску и свой собственный оттенок.

Однако притупленность правосознания русской интеллигенции и отсутствие интереса к правовым идеям, как полагал русский мыслитель, являются результатом застарелого зла – отсутствия какого бы то ни было правового порядка в повседневной жизни русского народа. Эта черта русского общества была отмечена еще А. Герценом в начале 50-х годов XIX столетия: «Правовая необеспеченность, искони тяготевшая над народом, была для него своего рода школою. Вопиющая несправедливость одной половины его законов научила его ненавидеть и другую; он подчиняется им как силе. Полное неравенство перед судом убило в нем всякое уважение к законности. Русский, какого бы он звания не был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно также поступает правительство»²¹.

Характерные для русской интеллигенции поиски социальной справедливости вне государства настраивали и саму интеллигенцию против всего, что было связано с государством, его законами, политикой и правом. Свобода и ее гарантии, как они полагали, должны были исходить снизу, из общины как организации общества, и государство должно было вырасти из новых форм организации общества. Старое же государство должно было разрушиться, поэтому ни о каких правовых формах взаимодействия с ним не могло быть речи.

Поражение декабристов и последовавший за ним государственный террор, фактически уничтоживший антифеодальную политическую оппозицию, начавшую формироваться в лице представителей военной элиты, образованной, желавшей перемен, но корнями уходившей в феодальные социально-экономические устои, идеологию.

Новая интеллектуальная элита, вызревшая в условиях монархической реакции, уничтожавшей все ростки свободомыслия, бессилия и бесправности общества, поддерживаемого доношением и страхом расправы, не могла не выработать негативного отношения к государству, равно – монархическому и буржуазному. Буржуазное западное государство тоже не отвечало идеалам справедливого общественного устройства. Ни его социально-экономические основы: частная собственность во всех ее проявлениях, дух наживы и стяжательства, ни «буржу-

²¹ Кистяковский Б.А. «В защиту права». Вехи. Из глубины. – М., 1991. С. 125.

азное мещанство» как символ образа жизни общества – не принимались сознанием российской интеллигенции середины XIX века. Это неприятие капиталистического государства и российского одновременно направляло общественную мысль на поиски справедливости в рамках нереализованной еще социалистической утопии. «Попытки соединить идеи просвещения с социалистической утопией во многом были связаны с необходимостью найти выход из очевидных тупиков кризиса просветительской мысли. Критика капитализма естественно, как полагают те же авторы, подвела к идее «перескока» Россией буржуазной стадии, которая позже оформилась в теорию некапиталистического развития. А.И. Герцен, доказывая преимущество России перед Европой в готовности ее народа к социализму, писал: «Мы в некоторых вопросах потому дальше Европы и свободнее ее, что так отстали от нее. /.../ либералы боятся потерять свободу – у нас нет свободы; они боятся правительственного вмешательства в дела промышленности – правительство у нас и так мешается во все; они боятся утраты личных прав – нам их еще надобно приобретать»²².

В истории западноевропейской политической мысли одной из наиболее актуальных, а потому и всесторонне разработанных проблем, была проблема идеала правовой личности, которая имела две стороны: личность, дисциплинированная правом и устойчивым правопорядком, и личность, наделенная всеми правами и свободно пользующаяся ими. Идея о том, что «Основу прочного правопорядка составляет свобода личности и ее неприкосновенность» окончательно выкристаллизовалась и получила четкое оформление в трудах Кистяковского, Новгородцева, Острогорского, написанных только в начале XX века.

Один из наиболее выдающихся либеральных мыслителей XIX века юрист К.Д. Кавелин, пытаясь выяснить соотношение личности и общества в России, констатирует, что «в истории русских правовых институтов личность заслонялась семьей, общиной, государством и не получала своего правового определения»²³. Однако пытаясь найти средство решения всех наболевших вопросов, он не увидел связи между проблемой гарантий прав личности и созданием конституционного правления в России. Полагая, что народное представительство будет состоять у нас из дворян и, следовательно, приведет к господству дворянства, он игнорировал правовое значение конституционного государства и истину, что свобода и неприкосновенность личности осуществима только в конституционном государстве. Идея борьбы за права личности была ему, как и

²² Герцен А.И. Письма из Франции и Италии // Собр. соч.: В 30 т. Т. 5. С. 12, 13.

²³ Кавелин К.Д. «Взгляд на юридический быт древней Руси». Наш уместный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. – М., 1989. С. 11–68.

общественно-политическому сознанию российской интеллигенции того времени, совершенно чужда. Н.К. Михайловский за себя и за свое поколение дал классический по своей определенности и точности ответ, объясняющий такую позицию народнической интеллигенции 70-х годов XIX столетия: «Свобода – великая и соблазнительная вещь, но мы не хотим свободы, если она, как было в Европе, только увеличит наш вековой долг народу». В этих словах, полагает Кистяковский, «отрицание правового строя было возведено в систему, вполне обоснованную и твердую»²⁴.

Понимание того, что на пути скорейшего претворения в России в жизнь прав и свобод лежат серьезные препятствия, породило самобытную форму русского «консервативного либерализма», которая могла бы быть названа «либеральным консерватизмом».

Если классический европейский либерализм выступал философско-мировоззренческой и политико-правовой антитезой феодализма, то отечественный либерализм, практически все время развивавшийся в условиях феодализма, стремился рационально обосновать необходимость постепенной трансформации традиционного уклада жизни, конвергенции самодержавия и демократии. Западноевропейский либерализм противопоставил феодальным ценностям традиции, религиозной веры, социальной иерархии, сословно-общинного коллективизма буржуазные ценности разумного прогресса и естественного права, социального равенства и личной свободы. Российский либерализм стремился к гармонии нового порядка со старым, традиционного общества с буржуазным. Западный либерализм исповедовал идею автономии личности и общества по отношению к государству, а либеральные реформы, закрепленные государством, были результатом «отзвуком назревших желаний уже сложившихся социальных групп, способных выступить в роли «питательной среды» либеральных ценностей», в России же они являлись «орудием модернизации, всецело находящимся в руках государства»²⁵. Либерализм в России был в значительной степени этатистским, и в этом проявлялась его консервативная сущность.

Большинство его представителей исходило из того, что в учении о государстве нельзя замыкаться только на фиксации его «правового» характера и абстрагироваться от национального характера государственности. Государство рассматривалось как институциональное выражение национального самосознания. Более того, государство рассматривалось как ничем не заменимый инструмент проведения либеральных реформ, но при строгом соблюдении их очередности. Одной из приори-

²⁴ Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 130.

²⁵ Консерватизм и либерализм: история и современные концепции: Материалы международной научной конференции, 15 февраля 2002 г. – СПб.: СПбГУ, 2002. С. 9.

тетных проблем на пути обретения народом свободы была проблема достижения единства нации, которой мешали и сословные перегородки, и этнический сепаратизм, и неурегулированность инородческого вопроса. Опасность развала империи делала политическую централизацию условием административной децентрализации. Это не просто отодвигало возможность создания условий возникновения широкого местного самоуправления, но загоняло проблему в замкнутый круг.

Ориентированные на государство, на разумное сочетание изменений с максимальным учетом фактора места и времени идеологи консервативного либерализма не принадлежали к числу политической элиты и не обладали необходимой степенью влияния на власть. Но эта ориентация, придававшая их идеологии охранительный характер, отталкивала более радикальных представителей либеральной идеологии.

Исходя из проблемы назревших к середине XIX века в России реформ и разойдясь в вопросах, касающихся темпов проведения реформ, объема и последовательности, консерваторы и либералы в силу различных причин объективного и субъективного плана свели полемику о России к конфликту двух систем ценностей. Между тем с течением времени вызовы – внешние (Крымская, русско-японская войны) и внутренние (проблемы социальной адаптации освобожденных крестьян и появляющихся рабочих, центробежные тенденции на окраинах) все нарастали. С их натиском «консервативная и либеральные теории, а ведь как раз они в своей совокупности контролировали мировоззрение тогдашней элиты, становились все более нетерпимыми друг к другу и все более нетерпеливыми или реакционными в подходах к жгучим вопросам, терзающим пореформенную Россию»²⁶. Одновременно усиливается расхождение между задачами, которые вставали перед Россией как геополитическим и экономическим целым, и задачами, которые рвались разрешить появляющиеся на политической арене социальные и национальные группы. «Элита, поляризованная на консерваторов и либералов, оказалась неспособной гармонизировать между собой все эти противоречивые, а иногда взаимоисключающие интересы. В результате за дело взялись иные люди, стоявшие на почве иных ценностей и оперировавшие совсем иными институтами, нежели те, что были приемлемы как для либералов, так и для значительной части консерваторов»²⁷. И в этом, как полагает автор предисловия к материалам цитируемого сборника, заключалась трагедия русского консерватизма и русского либерализма.

В ходе общественно-политического развития западноевропейских стран каждая из идеологий, включая социалистическую, вносила свои коррективы в реальную государственную политику, дополняя односто-

²⁶ Там же. С. 12.

²⁷ Там же.

ронность и неполноту в воспроизведении действительности, характерную для идеологических доктрин. Утвердившись в сознании соответствующих социальных слоев, они составили постоянно воспроизводящуюся и продуктивную конкуренцию друг другу в политической сфере. Кроме того, постоянная практика конфликтно-консенсусного взаимодействия поддерживала сами идеологии в состоянии интеллектуального тонуса, в этих обществах были созданы по удачной формулировке профессора МГУ В. Радаева, «неплохо сбалансированные» либерально-консервативные системы – «гибриды», сочетающие сильную государственную власть и правопорядок со свободой экономической деятельности. Достигается «симбиоз (сочетание и отчасти взаимное погашение) государственных и антигосударственных начал, националистических и универсалистских элементов»²⁸. Сбалансированность достигается тем, что «либерализм привносит сюда некий динамичный дух. Консерватизм удерживает этот дух от радикальных поползновений, а социал-демократизм заботится о том, чтобы не произошло забвения эгалитарных принципов.

Российская политическая система власти в форме абсолютной монархии = самодержавия, будучи по сути своей консервативной, вплоть до своего падения придерживалась охранительных принципов, как во внутренней, так и во внешней политике. Периоды некоторой либерализации в периоды правления Екатерины Великой, Александров Первого и Второго не были инициированы обществом, но являлись своего рода либеральными инъекциями, осуществленными по соизволению самих «просвещенных монархов» под давлением внутренних и внешних обстоятельств. «При фактически безраздельном господстве политического консерватизма демократические и либеральные взгляды так и остались на обочине в слабых и недоразвитых формах и не смогли стать сколь-нибудь надежным «буфером» на пути мощного просоциалистического движения, стремительно заполнившего идеологические пустоты и принявшего в результате формы революционно-разрушительные».

Но и судьба самого «победившего Социализма в России в итоге оказалась весьма печальной. С каждым послеоктябрьским десятилетием он все более превращался в официозную идеологическую оболочку, за которой скрывалась совершенно иная партийная, хозяйственная и социальная политика. Постепенно произошла обратная реакция заражения и выедания социалистической идеологии мутирующим консервативным духом. Социализм сохранялся как система более или менее успешно пропагандируемых символов, но это было уже скорее своеобразное

²⁸ Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. В. Радаев. Об истоках и характере консервативного сдвига в российской идеологии / Доступно online: <http://www.russ.ru/antolog/inoe/radaev.htm>

оформление нового консерватизма, утратившего былые аристократические черты и спрямленного единой партийной линией. После коротких и малоудачных военно-коммунистических экспериментов началось куда более последовательное выстраивание корпоративных форм организации политических структур, хозяйства и всей жизнедеятельности общества. Но поскольку все же многие вполне уверовали, что прописанные партией социалистические очки гарантируют обещанное стопроцентное видение, а так называемые «отклонения» просто недостойны серьезного внимания, образовался идеологический гибрид социализма и консерватизма (назовем его консервативным социализмом). «Истинные» же социалисты, искренне настаивавшие на своих «заблуждениях», были беспощадно стерты с политической карты.

Всплеск радикализма 90-х как реакция на консервативно-социалистические устои вознес на демократической волне гражданских и политических прав и свобод либеральную идеологию на уровень государственной политики, впервые как осознанное требование, по крайней мере, части элиты, поддержанное на первом этапе ожиданиями части общества. Общество, которое приобретает сегодня реальные очертания, пока не демократическое, не либеральное, оно такое, какое есть. Главное достоинство нынешнего этапа его развития состоит в том, что оно не имеет проектов, четких ориентиров. Отсутствие общенациональной идеологии тоже имеет свои преимущества: оно лишено навязываемых ценностей. Споры славянофилов и западников отошли в прошлое, став частью культурного наследия. Общество постепенно обновляется в соответствии со своими возможностями. Оно стало более рационально и прагматично. В сознании основной части интеллектуальной и политической элиты отсутствуют радикалистские установки как либерального, консервативного, так и коммунистического толка. Политологи констатируют, что «вместо исполнявшей свою миссию «русской идеологии», мистической сутью которой всегда была отвлеченная «русская идея», в Россию приходит просто идеология в общепринятом смысле слова»²⁹.

Изменение сущности и функций российской идеологии, при котором понятие «русской идеи» останется в истории, а у идеологии (идеологий) появится возможность формироваться на основе собственной социальной базы – это единственная возможность перенести акценты на интересы общества, их первичность, их определяющую роль в формировании политики государства, изменить, наконец, роль государства в России, а соответственно и методы осуществления власти.

²⁹ Пастухов В.Б. Конец русской идеологии (Новый курс или новый Путь?) // Полис. 2001. № 1. С. 63.

Контрольные вопросы

1. Чем отличался процесс зарождения идеологий на Западе и в России?
2. Кто являлся в России носителем и выразителем идеологического сознания?
3. В чем выражалось влияние социально-экономического и политического развития России на характер общественно-политического сознания?
4. Чем отличалась российская государственная идеология от национальных идеологий западных стран?
5. Чем объяснялось негативное отношение российской интеллектуальной элиты к буржуазному либерально-демократическому государству?

Тема 2 ЛИБЕРАЛИЗМ: ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ, ИСТОРИЯ ЭВОЛЮЦИИ

2.1. Либерализм в системе ценностей российского социума

Либерализм в России всегда был явлением противоречивым, и в первую очередь потому, что его «русифицированные» проекты плохо согласовывались с насущными проблемами российского государства. Может быть поэтому в расхожем российском общественном мнении либералы представляли в образе грибоедовского болтуна и «ужасного либерала» Репетилова, свое отношение к которому он гениально выразил одной фразой, вложенной в уста самого героя: «Шумим, братец, шумим», или, в лучшем случае, тургеневского Павла Петровича Кирсанова, «слышшего либералом» и тщетно пытавшегося ввести европейские новшества в организацию крепостного крестьянского труда.

Либерализму как социально-политическому течению в России, как отмечают исследователи, не везло, «он оказался «зажатым» между двумя противоборствующими направлениями: сильным реакционно-консервативным течением, отстаивающим незыблемость самодержавия и революционно-демократическим, сделавшим ставку на насильственное революционное изменение социально-политического строя. В этом противостоянии представители первого течения видели в либерализме «красную крамолу», вторые – «соглашательство и оппортунизм»³⁰.

Характерная оценка роли русского либерализма в общественной жизни России была связана со стереотипами марксистско-ленинской характеристики этого движения, канонизированными впоследствии официальной идеологией. Проведенная Лениным жесткая демаркационная линия между революционно-демократическим и реакционно-монархическими силами – Н. Чернышевским и В. Пуришкевичем – в лучшем случае делала политически бессмысленной либеральную позицию. Поэтому ориентация на реформы, стремление опереться на естественный процесс исторического развития оценивалась сугубо негативно в отличие от приверженности насильственным методам ниспровержения старого строя, идеалам революционного преобразования общества. Это отношение определенно выразил в своей работе один из лидеров радикальных революционных сил Л.Б. Каменев: «Русский либерализм как политическое и общественное движение не имеет собственной истории,

³⁰ См.: Новикова Л., Сиземская И. Идеиные истоки русского либерализма // Общественные науки и современность (ОНС). 1993. № 3. С. 125.

ибо он никогда не был *движением* политическим и общественным. История российского либерализма вся целиком умещается в истории российской контрреволюции»³¹.

Как более или менее единое, концептуально оформленное идейно-политическое течение либерализм не существовал вплоть до последнего десятилетия XIX века. Но либерализм, как потребность, как чувство свободы, которое питала и лелеяла русская интеллигенция, как пишет ученый правовед и философ Б.Н. Чичерин: «В тишине своих дум, в сокровенном тайнике своей души, в то время, когда оно изгонялось из общества как возмутительное и преступное»³², в XIX веке определял настрой общественного мнения. Для всех стало очевидным, что «без известной доли свободы в благоустроенном государстве нельзя обойтись».

В отношении к свободе, в понимании этой базовой ценности либерализма проявляется различие политических культур. Свобода человека, в понимании Джона Локка – основоположника западного либерализма, состоит в том, что он «не подчиняется никакой другой законодательной власти, кроме той, которая установлена по согласию в государстве и не находится в подчинении чьей-либо воли и не ограничен каким-либо законом, за исключением тех, которые будут установлены этим законодательным органом в соответствии с оказанным ему доверием», другими словами, это – свобода следовать «собственному желанию во всех случаях, когда этого не запрещает закон и не быть зависимым от непостоянной, неопределенной, неизвестной самовластной воли другого человека»³³. Для европейского сознания конца XVII века свобода – институт, гарантированный существованием соответствующих законов. Для русского интеллигента XIX века – эмоциональное, институционально неопределенное понятие – «лучший дар, данный в удел человеку», «нравственное влечение», измеряемое «непоколебимой внутренней силой», «внутренняя свобода человека», «жертвенник, на котором неугасимо пылает присущий человеку божественный огонь». Поэтому европейское понимание свободы исключает подчинение любой власти человека, но лишь закону – российское – предполагает над «свободными гражданами» власть «пастырей народов», «перед которыми с уважением склоняются люди, и нет краше, нет святее этого призвания на Земле»³⁴.

³¹ Каменев Л.Б. Из истории русского либерализма: О свободе. Антология мировой либеральной мысли (1 половина XX века). – М., 2000. С. 639.

³² Чичерин Б. Различные виды либерализма // ОНС. 1993. № 3. С. 116.

³³ Локк Д. О государственном правлении // Избр. философские произведения: В 2 т. Т. 2. – М., 1960. С. 16–17.

³⁴ Чичерин Б. Указ. соч. С. 117.

Обозначая главные направления либерализма, выраженные в общественном мнении, Чичерин акцентирует внимание на трех его разновидностях. Низшую ступень занимает «уличный» либерализм толпы, склонной к политическим скандалам; «оппозиционный» либерализм понимает свободу с чисто отрицательной стороны, он сопутствует любым реформаторским начинаниям и обличает осуществляющую их власть во всех действительных и мнимых ошибках. Высшей ступенью, соединяющей свободу с «началом власти и закона», является «охранительный» либерализм, который «лишь единственный несет в себе позитивный смысл» и ориентирован на осуществление реформ. Его опорой является сильная власть, способная осуществить преобразования с учетом интересов всех заинтересованных сил и в соответствии с естественным ходом истории³⁵.

Либерализм, исторически возникший как идеология европейской буржуазии, отстаивавшей свои права в борьбе с феодализмом, наряду с неприкосновенностью частной собственности, принципами экономической свободы и индивидуализма, провозгласил целый ряд общечеловеческих ценностей, ставших достоянием духовной практики всего человечества. В стране, искусственно тормозившей и консервирующей феодальные отношения в экономической и социальной и политической жизни общества, приверженность либеральной или консервативной идеологии становилась результатом интеллектуального выбора образованной части общества.

2.2. Распространение либеральных идей в России в конце XVIII – начале XIX веков

Российские либералы «первой волны» – европейски образованные дворяне, рассуждавшие о политических и гражданских свободах, правах и конституции стране, о которой мыслитель и политический деятель начала XIX в. М.М. Сперанский писал: «Я нахожу в России два состояния – рабы государевы и рабы помещичьи. Первые называются свободными только в отношении ко вторым, действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов».

Направленный против самодержавия, крепостничества, нацеленный на переход страны к иному типу цивилизации либерализм в виде целостного мировоззрения, но в большей степени в виде отдельных идей привлекал не только дворянскую интеллигенцию, но и представителей «просвещенного абсолютизма».

«Либерализм верхов» или правящих сил проявлялся в реформах Екатерины Великой и Александра I. Императрица Екатерина, которая,

³⁵ Чичерин Б. Указ соч. С. 118–123.

конечно же, не отвечала требованиям, предъявляемым либеральным политикам, способствовала правовому и духовному раскрепощению высших слоев российского общества. В ее записках до воцарения на престол имеются признания в симпатиях идеям французских просветителей – Дидро, Вольтера, знакомые каждому интересующемуся отечественной историей: «Свобода – душа всего на свете, без тебя все мертво. Хочу повиноваться законам, но не рабам; Хочу общей цели – сделать счастливыми подданных...». Эти идеи легли позже в основу известного документа «Наказа», написанного Екатериной для членов специальной комиссии для реформирования законов. По сути, это изложение широкой либеральной программы, касающейся всех сфер общественной жизни, начиная от семьи и кончая экономикой, для которой Екатериной был сформулирован главный принцип либерализма – «не запрещать и не принуждать». «Наказ» открывал двери в Россию либеральным идеям европейского Просвещения. Основываясь на теориях Ш.-Л. Монтескье, Екатерина попыталась совместить его идеи с реалиями России, в частности, обоснование политической доктрины о возможности соединения самодержавия монарха с законностью и правопорядком.

С «легкой руки» императрицы либерально-просветительские идеалы стали предметом публичного обсуждения в печати, в салонах, кружках. Радикальное развитие они получили в трудах А. Радищева, прежде всего в его «Путешествии из Петербурга в Москву». Это был либерализм в варианте Ж.Ж. Руссо, у которого свобода и равенство индивидов гарантировались «растворением» личности в обществе, которое одно в состоянии выразить ее интересы. Симпатии Радищева вызывала идея о роли законодателя – учителя, пророка, т.е. личности харизматической, понимающей чаяния народа и ведущей его за собой. Кроме того, сюда был добавлен Радищевым новый источник русского либерализма – «проклятый русский вопрос» о крепостном праве, за что он и получил от Екатерины ярлык бунтовщика. Хотя как принцип частной собственности, так и крестьянский вопрос воспринимался Радищевым почти одинаково с Екатериной. Она, так же как и Радищев, считала, что в целях создания «людей среднего вида», т.е. третьего сословия, необходимо освобождать крестьян мелкими самостоятельными собственниками. Но, как полагал еще Платон, создавая проект своего идеального государства, дабы не нарушать единодушия (единомыслия) в государстве, не должно быть философов, кроме правителей. В России – абсолютной, хоть и «просвещенной» монархии, как известно, до «Жалованной грамоты дворянству» вообще не существовало статуса свободного гражданина. Дворянин в иной форме, но считался собственностью государства в лице государя. Его поместья и земли в случае «немилости» «отходили казне». Сам же он мог быть высечен по приказу Государя и лишен дворянского звания. Существуют записки и другие свидетельства того, что

Екатерина мыслила раскрепостить все сословия постепенно, но отказалась в дальнейшем от своего замысла, в том числе и потому, что, получив свободу и право неограниченной собственности на землю, поместья, недра и воды, дворянство создало оппозицию, противодействующую раскрепощению крестьян.

Задумывая программу преобразования России, Екатерина ориентировалась не только на французских просветителей либерального направления но, как пишет В.В. Леонтович, состояла в переписке и с Эдмундом Берком – английским политическим мыслителем, стоявшем у истоков западной консервативной доктрины нового времени, произведения которого она также хорошо знала и который призывает ее «цивилизовать Россию», избегая революционных мер, опираясь на традицию и обычаи», укрепляя власть государя³⁶.

Радищев же настаивал на превосходстве закона не только над нравами и обычаями (он считает, что закон должен им соответствовать) но и над властью государя. Здесь он зашел за границы допустимого в России, где ничего не могло быть выше абсолютной царской власти³⁷. Поставив закон выше власти монарха, он обрек себя на гнев императрицы и скорый суд. В творчестве Радищева русский либерализм обрел черты достаточно последовательного социально-политического учения, выразителем которого впоследствии станет русская интеллигенция, как умеренная, так и радикальная.

Согласно советской научной традиции революционно-демократическое течение русской общественной мысли вело свое начало именно от Радищева. Это справедливо постольку, поскольку это был, во-первых, «радикальный либерализм», во-вторых, и первые буржуазные революции на Западе выступали от имени и на благо всего народа, дифференциация интересов и целей выявлялась уже в ходе революций.

Восстание Пугачева, Французская революция, суд над Радищевым и Новиковым окончательно развеяли иллюзии относительно просвещенного абсолютизма. В этих условиях в рядах дворянской интеллигенции либеральные идеи, воспринятые от европейских учителей, подверглись интеллектуальной обработке и начали обретать вполне конкретное содержание, связанное с тогдашними условиями жизни русского общества. Определяющими ее факторами были «самодержавие»,

³⁶ Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. – М., 1995.

³⁷ Заметим, что в Англии, давшей миру первый парламент и первую конституционную монархию, не король выступил с инициативой ограничения собственной власти, а бароны и укрепляющая свои позиции буржуазия. И когда английский король Карл Стюарт I попытался эту власть снова узурпировать, ему отрубили голову, и только после двух осуществленных с интервалом в 39 лет революций – Великой и Славной – в Англии установился конституционный строй, при котором «монарх царствует, но не правит».

базирувавшееся на общем политическом беспорядке и концентрации власти в руках «государя-императора», опиравшегося на бюрократическую иерархию, и «крепостничество», ведущее к экономической и духовной стагнации.

Наиболее прогрессивная часть общества была единодушна в признании необходимости политической реформы, а также освобождения крестьян, но вопрос о последовательности и глубине преобразований расколол либеральные ряды.

Часть из них, признавая крепостничество ненормальным, считала (эту позицию наиболее последовательно выражал один из самых значительных представителей либерализма в России Н.С. Мордвинов), что «народу, пребывавшему веками без сознания гражданской свободы, даровать ее изречением на то воли властителя – возможно, но знание пользоваться ею во благо себе и обществу даровать законоположением – невозможно». Освобождению крестьян, полагал он, должно предшествовать укрепление гражданского строя в России. В первую очередь нужно создать статус свободного человека и гражданина, лишь после этого возможно начать думать о постепенном освобождении крепостных, т.е. постепенном присвоении крестьянам статуса свободного собственника. Укрепление же статуса свободного гражданина и гражданского строя вообще возможно лишь посредством политической свободы, через переход России к конституционным государственным формам.

Либеральное большинство при Александре I добивалось, прежде всего, политических вольностей для высших классов как наиболее готовых к свободе. Значительно меньшее число лиц полагали, что возможность общественного развития России обуславливается предварительным освобождением крестьян.

Сторонники немедленного устранения крепостного права считали нежелательным введение конституции в России и высказывались за сохранение самодержавия. Николай Тургенев полагал, что «неограниченная власть необходима для освобождения страны от чудовищной эксплуатации человека человеком».

Джон Стюарт Милль – ярый борец за свободу человека – имел в виду человека культурного, образованного, умеющего разумно ограничивать эту свободу ради свободы другого – незадолго до отмены крепостного права, в 1861 г. поддерживал позицию Тургенева и его сторонников.

Александр II был еще более пессимистично настроен в отношении готовности даже высших слоев российского общества: «Я готов дать гражданам Конституцию, но где граждане?».

Поколение либералов, сформировавшихся при Александре I и даже еще при Павле, находилось под сильным влиянием Иеремии Бенета – одного из наиболее ярких философских радикалов, представителей течения английского «утилитаризма», в соответствии с которым челове-

ческое счастье является наивысшей целью. Необходимо сформировать такой закон, который гарантировал бы, что в поисках максимального счастья для себя никто не будет пытаться мешать поискам других. Так можно будет достигать наибольшего счастья для наибольшего числа людей. Но поскольку нет гарантий, что законодатель на деле будет придерживаться доброжелательного курса, его свобода действий должна быть ограничена. Эта мысль И. Бентама удивительным образом нашла отклик у российских либералов, выступавших за введение конституционной монархии. Так же как и другой его вывод о том, что наибольшего счастья для большего числа людей, как и равенства, можно добиться только в условиях стабильности и безопасности (даже понятие свободы Бентам считал наименее важным), ложился на идею о необходимости сильной власти.

Привлекало либеральных интеллектуалов внимание Бентама к вопросам образования и его уверенность в неограниченных возможностях образования для излечения общественных язв. Именно образование народа стало целью деятельности народнических организаций.

Испугавшись революционизированной Франции, российский либерализм был ориентирован на Англию. Мордвинов был послан в Англию Павлом I изучать корабельное дело. За три года, проведенных в этой стране, он проникся духом английской науки и уважением к учреждениям этой страны. Еще раньше в России появились последователи Адама Смита, среди которых был князь Дашков. При дворе читался курс лекций о теориях Смита. По поручению Министерства внутренних дел был осуществлен перевод его произведений и, главным образом, его работа «Об исследовании свойств и причин богатства народов», за что было выплачено из казны 5 тыс. рублей.

В «Санктпетербургском журнале» Министерства внутренних дел публиковались выдержки из произведений Ф. Бекона, И. Бентама, Фергюсона. Бентам вообще был в России Александра I широко читаемым автором. В 1808 г. в Петербурге было продано столько же произведений Бентама, сколько и в Лондоне. (Он, кстати, упоминается в «Евгении Онегине» Пушкина как один из модных авторов.)

Конечно, английский либерализм привлекал возможностью соединения свободного гражданского общества, гарантий частной собственности с монархией и традициями общественного развития, к каковым относится крепостничество.

В начале царствования Александра I молодые соратники царя пытались добиться введения Конституции легальным путем. Было разработано несколько вариантов конституций. Более молодой современник и последователь взглядов Мордвинова Сперанский создает проект, который, по его мнению, позволил бы поставить на правовую базу Российское государство, осуществить разделение властей и обеспечить га-

рантии от произвола законодательной власти. Он выдвинул идею создания центральной и местных дум, состоящих из избранных представителей господствующего и владеющего собственностью сословия (чем больше у человека имущества, тем больше он заботится о «доброкачественности законов»).

Однако, в отличие от Англии, где закон один и для королей, и для подданных, в Российском варианте над всеми ветвями власти находится власть самодержавная. Хотя Сперанский и говорит о том, что надо «ставить закон над монархом», но это больше относится к области морально-нравственного требования монарха к самому себе. Абсолютизм и концентрация всей власти в руках монарха – лучшая для российских либералов гарантия свободы народа, и в том числе – гражданской.

Консерватизм Сперанского и всей либеральной российской мысли уходит корнями в идеальные представления о православном самодержавии, цель которого направлять народ к нравственному добру. Эту традиционную идею они пытались соединить с основным принципом либерализма – поставить государство на защиту личной свободы и личной собственности.

Интересно, что программа Карамзина, который сам себя считал консерваторм и вошел таковым в историю идей, по существу ничем не отличается от проекта Сперанского. С той разницей, что он считал возможным осуществление значительных элементов либерализма в рамках абсолютной монархии и введение гражданских свобод без политических.

Монарх, руководствующийся законом Божиим и велением совести, полагает Сперанский, может провести в жизнь либеральные реформы и выступать гарантом гражданских прав и свобод, не нарушая исторической традиции. При этом он признает и говорит в записке царю: «Во всяком государстве, коего политическое положение определяется единым характером государя, закон никогда не будет иметь силы, народ будет все то, чем власть предрешающая быть ему повелит³⁸. Но важно то, что в либеральной дворянской идеологии идея свободы была увязана с гражданскими и политическими правами, а последние с Конституцией. И хотя заигрывания царя с конституцией скоро прекратились, а Сперанский был отправлен в ссылку, вернувшись из которой он уже ничем не отличался от Карамзина, проблема взаимосвязи гражданских и политических прав была поставлена. Идея о конституционном ограничении самодержавия была подхвачена, с одной стороны, аристократической олигархией, рассчитывающей с помощью конституции ограничить власть царя и в свою пользу и закрепить привилегии, с другой – декабристами, у которых она была доведена до крайних форм – насильственного ниспровержения самодержавия и замены его республиканским строем. Как

³⁸ Сперанский М.М. Проекты и записки. – М., 1961. С. 56.

ни парадоксально, но именно в эпоху николаевской реакции политические идеи либерализма обрели в стенах университетов свой социально-философский смысл.

2.3. Идеинный расцвет «дворянского» либерализма в 50-е–70-е годы

Теоретическое оформление его как особого направления социально-философской мысли падает на 50-е–70-е годы, с которыми обычно связывают развертывание полемики между двумя влиятельными идейными течениями: западничеством и славянофильством. «Идеология либерализма стала своеобразной рефлексией по поводу западничества, которое благодаря этому поднялось до уровня социально-философской концепции. Со славянофилами же ее объединяло положение о необходимости решения крестьянского вопроса»³⁹.

Идеологами нового этапа либерализма стали профессора и приват-доценты Московского и Петербургского университетов, прежде всего, правоведы К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин.

Философскими источниками русского либерализма на этом этапе его развития выступили гегелевская философия права; методология государственной школы в объяснении российской истории и *фритредерские* теории политической экономии⁴⁰.

Стержневыми проблемами концептуальных построений оставались проблемы свободы человека, которые связывались с нравственными началами, ответственностью; отношением к крепостничеству и власти.

Идея о решающей роли личности в общечеловеческом развитии и в истории России нового времени была связана с обоснованием нравственных начал человека. Этот подход не соответствовал гегелевскому, при котором личность растворялась в Абсолюте, что лишало ее свободы и одновременно снимало с нее ответственность за содеянное. Представление о «самоценности» – самостоятельной абсолютной значимости человеческой личности, независимости от чего бы то ни было, кроме самого себя, позволяло обосновать значение нравственных начал человека. И только в силу этого свойства человек может быть признан свободным лицом, и именно поэтому с ним не позволительно обращаться как с простым орудием – средством достижения каких-либо целей.

Тезис об абсолютной ценности человека стал незыблемым основанием русского либерализма. С ним связано и понимание гражданской

³⁹ Новикова Л., Сиземская И. Указ соч. С. 127.

⁴⁰ От англ. – free trade – свободная торговля – направление в экономической теории и политике промышленной буржуазии, основанное на принципе невмешательства государства в свободное предпринимательство и торговлю.

свободы, и требование создания правового государственного порядка, в котором ценность общественных учреждений измеряется тем, в какой мере они защищают интересы отдельной личности.

В духе Французской декларации прав гражданина и человека как «естественных прав человека на жизнь, свободу и собственность» Чичерин разрабатывает правовую теорию гражданского общества как общества равных возможностей всех граждан, которые гарантируются посредством гражданского права. Государство же вносит поправку в бесстрастно уравнивательные принципы гражданского общества, компенсируя реальное неравенство отдельных социальных групп, сословий, граждан и сглаживая противоречия между ними. Политические свободы есть продолжение гражданских свобод, но главное – их гарантия.

«Преобразования, вводящие прочный, разумный и законный порядок в стране взамен произвола и хаоса, по самому существу дела должны предшествовать политическим гарантиям», – утверждал Кавелин⁴¹. Гражданские свободы призваны обеспечить материальное благосостояние людей, освобождая их интеллект и дух для творчества и культурного созидания. Они же подготавливают народ к политическому представительству. Вот почему все реформы следует начинать с реформ гражданского общества. Политические же изменения должны следовать за ними как обеспечивающие движение гражданского общества в выбранном направлении, они не должны предшествовать последним. В противном случае возможны нарушения естественного хода вещей, чреватые разного рода конфликтами и катаклизмами.

По сути, учение Кавелина было либерально-консервативным, не случайно его мысли так созвучны этим классикам французской и английской консервативной мысли: Ж. Де Местр, утверждавшему, что «ни одна нация не может даровать себе свободу народу, если она ее не имеет»; или Э. Берку, напоминавшему о том, что Великая Хартия вольностей, как и другие акты в Англии, закрепляли уже сложившиеся отношения, а Декларация независимости США, впервые сформулировавшая основные либеральные положения, стала результатом развития гражданского общества, которое не могло уже существовать в рамках колониального статуса⁴².

Он акцентировал внимание на укорененности институтов общества в традициях народа, не мыслил науки политики без нравственности и христианской философии и основывал гражданские идеалы на личной морали. «Только когда у нас разовьется индивидуальное начало, когда народится и на Руси нравственная личность, может измениться и наша

⁴¹ Кавелин К.Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. – М., 1989. С. 22.

⁴² Ж. Де Местр. О порождении политических конституций // Полис. 1997. № 2. С. 143; Э. Берк. Размышления о революции во Франции. – М., 1993.

печальная ежедневная действительность»⁴³. И так, основа гражданского общества – правовые законы, не сводимые к роли инструмента политической власти. Право – выше государства, право должно быть отделено от политики. Отстаивая этот принцип, русские либералы, будучи в большинстве своем юристами и правоведами по образованию, в своей практической деятельности стремились к развитию правовой культуры и ее защите от чрезмерной политизации. Они защищали общество, в котором политика была бы ограничена рамками закона, вследствие чего политические решения не могли бы приниматься произвольно. Верховенство закона – гарантия действительной свободы человека.

Вопрос об отношении к крепостному праву, начиная с Радищева, стал общим для либералов, славянофилов, революционных демократов и народников. Однако наиболее последовательную и продуктивную роль в постановке крестьянского вопроса сыграли именно либералы. Заслугой их было и то, что они сумели заразить своими идеями даже радикальных славянофилов Ю. Самарина и А. Кошелева и крупных чиновников госаппарата Я. Ростовцева, Н. и Д. Милютиных, В. Черкасского.

После поражения в Крымской войне правительство категорически запретило обсуждать этот вопрос публично, «во избежание ненужного возбуждения умов». Однако он обсуждался в университетских курсах и дискуссиях. В легальной демократической печати его обсуждение проходило под рубрикой: «О разумном распределении экономических сил». В герценовском «Колоколе» была опубликована «Записка об освобождении крестьян» Кавелина, в которой он писал, что крестьянский вопрос – краеугольный камень целого комплекса социальных проблем, требующих своего незамедлительного решения, чтобы вывести Россию из глубочайшего кризиса на путь общечеловеческого развития.

«Государство, – писал Б. Чичерин, – корректируя исторический процесс, пошло когда-то на закрепление всех сословий к своему делу, чем обеспечило его стабильность и бурный рост. Но со временем крепость сословных отношений стала препятствием на пути свободного общественного развития. Осознав это, Екатерина освободила от крепости дворянство и купечество. Ныне со всей остротой встал вопрос об освобождении крестьян, ибо крепостная зависимость не только противоречит естественным правам человека, но уродует, деформирует весь общественный строй снизу доверху»⁴⁴.

Либералы были и среди первых критиков императорского Рескрипта, отстаивая идею либерализма о том, что основанием и материальным обеспечением «свободы личности» является частная собственность.

⁴³ Кавелин К.Д. Указ. соч. С. 30.

⁴⁴ Цит. по: Л. Новикова, И. Сиземская. Указ. соч. С. 131.

Этот принцип должен был действовать и по отношению к помещикам, и по отношению к крестьянам: первые должны были получить компенсацию, вторые выкупить землю.

Позиции либералов в этом вопросе были сформулированы учеником Грановского и Кавелина – Унковским. Либеральный подход требовал соблюдения принципа незыблемости помещичьей собственности на землю, что соответствовало правовому статусу тогдашнего общества. Реформа как политический акт нарушала права частной собственности, закрепленной за помещиками Жалованной грамотой Екатерины. И с этим либералы, отстаивавшие примат права над политикой, не могли не считаться. В то же время согласно обычному праву крестьянин был прикреплен к земле, и отнять у него землю, означало лишить его средства к существованию, нарушить его естественные права. Отсюда – идея выкупа. Выкупив землю, которая должна согласно либеральному проекту включать не только усадьбу-надел, но и выгон и покосы (почти идея хутора, которую в свое время попытается осуществить П. Столыпин), крестьянин получает все это в полную собственность, а денежная компенсация помещику за утрату части собственности поможет ему перевести хозяйство на новые рельсы. Характерно, что сам принцип денежной компенсации тогда никем не оспаривался, в том числе и А. Герценом, программа которого была близка к проекту А. Унковского.

Серьезное теоретическое обоснование имело и отношение либералов этой школы к власти. Оно логически вытекало из концепции права и государства в общественной жизни. Одной из наиболее сильных и разработанных доктрин русского либерализма была концепция правового государства. Недаром названные «государственниками» представители этой школы считали российское государство и его деятельность основной движущей силой исторического процесса ввиду его «компенсаторно-интегрирующей» роли.

Государство – по природе своей – сила, стоящая над классами и условиями. Оно создается для того, чтобы привести враждующие силы к согласию, чтобы над частным интересом возобладала идея общественного блага, чтобы само устремление к частным целям служило достижению общественных целей. Государство есть высшая форма организованного человеческого общения. По определению Чичерина, это своего рода «страховой полис нации». Но государство не может подменять гражданское общество, вмешиваться в частную жизнь граждан, регламентировать их экономическую деятельность, хотя и должно гарантировать свободу и условия предпринимательской практики. «Как и всякая экономическая деятельность, производство и накопление капитала, – писал Чичерин, – есть дело частное, а не государственное. В качестве охранителя права государство призвано только устанавливать общие для всех условия его приобретения и ограждать от посягательства

со стороны других»⁴⁵. Решать эти задачи в России может только сильное государство, способное выступить на страже общественного блага в случае опасной «разбалансировки» гражданских интересов.

Вот почему реформы должны осуществлять только «сверху»: только государство, стоящее на страже общественного интереса, может провести их средствами, исключая произвол, нарушение законности, не говоря уже о революционном терроре. Отсюда понятна позиция либерализма по отношению к самодержавию. Вопреки распространенным обвинениям, либералы защищали не самодержавие, а сильное государство, которое в то историческое время могло быть, по их убеждению, только в форме исторически сложившейся монархии. Это убеждение было связано с их центральной идеей прогресса, который состоит в развитии и совершенствовании исторически установившегося типа государственного устройства, а не в революционной замене его другим. Для России 50–70-х годов XIX столетия это означало предпочтение просвещенного абсолютизма революционной диктатуре.

Нужно напомнить, что и Александр II и его правительство в лице высших сановников государственной администрации вполне осознали необходимость радикальных реформ. Но и подготовка, и проведение их проходили под сильным давлением как «справа», со стороны реакционеров-крепостников, так и «слева», со стороны революционеров различного толка.

В этих условиях либералы заняли «охранительную» позицию, видя в правительстве, готовом провести реформу, «единственного европейца». Именно по этой причине либерализм выступил против конституции, на которой настаивало аристократическое дворянство. Либералы защищали самодержавие, потому что не видели в конституции «конструктива». Их позиция объяснялась, по крайней мере, тремя причинами. Первая состояла в понимании того факта, что основная масса населения России по причине заботности и культурной отсталости была не готова к конституционному порядку. Государственное самоуправление было бы самообманом. «Общество должно сначала переродиться, чтобы политические гарантии не обратились в театральные декорации, в намалеванные кулисы, ничего не значащие, ничего не стоящие»⁴⁶, а там, где царствует невежество, где нет элементарных понятий, там не может быть действительной свободы и демократии.

Вторая состояла в том, что конституционализм (корни которого уходят в глубь российской истории, в борьбу боярской олигархии за свои исключительные права) в 60-е годы XIX столетия выступил под флагом дворянско-аристократической оппозиции самодержавию, рас-

⁴⁵ Чичерин Б. Философия права. – М., 1990. С. 270.

⁴⁶ Кавелин К.Д. Наш умственный строй. – М., 1989. С. 153.

считывая компенсировать себе сословные привилегии за утрату крепостного права. Уверенные в том, что конституционализм в России того времени будет только дворянским, т.е. будет направлен на защиту сословных интересов дворянства, либералы выступили против него. Отрицательное отношение, таким образом, было не к конституции вообще, а к особенностям того исторического момента.

И третья заключалась в том, что самодержавие в союзе с частью просвещенной бюрократии представлялось той сильной верховной властью, которая способна была осуществить реформы и контролировать их ход на местах. В союзе с либерально настроенным правительством оно и в самом деле было реальной исторической силой. Противоречие и ошибка заключались в том, что, выступив против дворянской конституции, они обратились за поддержкой к бюрократии, была плоть от плоти того же дворянства. Осуществляя реформы, они решали, в первую очередь, задачу стабилизации самодержавия. По сути своей они не могли выйти за пределы своих интересов.

Таким было социально-философское учение российского либерализма. Нельзя не согласиться с теми, кто предлагает относиться к нему, в первую очередь, как к интеллектуальной традиции, оказавшей влияние на все развитие общественно-политической мысли России. «Либерализм, – как пишет А. Валицкий, – это черта русского интеллигентского сознания XIX века»⁴⁷.

В течение длительного времени своего существования русский либерализм в отличие от европейского не создавал своих организаций, хотя и материальные средства, и кадры были. Это было связано и с ориентацией на деятельный контакт с самодержавием и просвещенной бюрократией, и с тем, что общественная организация отождествлялась в общественном сознании с революционно-террористической деятельностью, до которой не мог «опуститься» аристократический русский либерализм. Ситуация изменилась в 90-е годы, когда начавшееся после отмены крепостного права развитие капитализма изменило и социальную базу, и характер либерализма.

2.4. «Новый либерализм»

Развитие капитализма в России в последней трети XIX века меняет социальную базу либерализма и, в конечном итоге, его лицо. Набиравшая силу промышленная буржуазия, которая, по довольно меткому замечанию Ленина, «удобно устроилась в складках горностаевой мантии царизма», существенно изменила политические ориентации: от защиты

⁴⁷ Валицкий А. Интеллектуальная традиция дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1991. № 1.

самодержавия к пропаганде конституционной демократии, хотя по преимуществу все равно оставалась монархической.

В русской философии последнего десятилетия XIX века особое внимание было приковано к конкретной человеческой личности. Виднейший ее представитель В.С. Соловьев в работе «Оправдание добра» обосновывает идею о праве человека на достойное существование, которое государство обязано гарантировать гражданам и которую поддержала целая плеяда представителей школы «либеральной философии права». Среди них юристы П. Новгородцев, В. Гессен, Л. Петражицкий, Б. Кистяковский, С. Гессен, историк И. Покровский.

Глава Петербургской школы юриспруденции, член партии конституционных демократов (кадетов) П. Новгородцев развил теорию правового государства. Теория правового государства была дополнена Б. Кистяковским, предложившим путь преобразования либерализма в «правовой социализм». Под социализмом в данном контексте понималось расширение и углубление правовой обеспеченности существования человека в государстве и гарантий со стороны государства в обеспечении этих прав. Хотя, конечно, социалистические идеи, преимущественно социал-реформистские, оказали влияние на мировоззрение представителей «нового либерализма». Как отмечал один из ведущих теоретиков этой концепции П. Новгородцев, социализм, утративший свое внутреннее существо и превратившийся в политику социальных реформ, вполне приемлется теорией новейшего либерализма и практикой правового государства. В этом историческом воплощении социализма марксизм умер и превратился в предание. Хотя повлиял на формирование концепции «нового либерализма» и «революционный социализм» – марксизм, от которого была воспринята идея о необходимости «человеческого освобождения рабочего класса. «И, тем не менее, – пишет П.И. Новгородцев, – за марксизмом мы должны признать значение той идейной грани, после которой уже не возможен возврат нравственного сознания к прошлому, после которой и современное правовое государство должно было радикально изменить свой взгляд на задачи политики, на сущность права, принципы равенства и свободы»⁴⁸. Пользование свободой может быть совершенно парализовано недостатком средств, поэтому формальное равенство должно быть восполнено социальным равенством, а точнее, действиями государства, смягчающими фактическое чрезмерное социальное неравенство.

Демократический либерализм критиковал «доктринеров правоверного либерализма» за присущее им формализованное понимание права в духе классического либерализма как совокупности чисто негативных норм, только препятствующих индивидам совершать выходящие отве-

⁴⁸ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. – М., 1991. С. 521.

денной им сферы свободы поступки. Именно такой подход привел Чичерина к выводу о том, что выдвигаемые социализмом проблемы невозможно разрешить с помощью правовых средств и в пределах правового государства, т.к. это значило бы нарушение священных для либерализма принципов равенства и свободы. Единственный выход он видел в том, что право должно быть восполнено нравственностью, т.е. любовью и благотворительностью, не допускающими никакой принудительности.

В отличие от классической либеральной позиции Б. Чичерина представители новой школы настаивали на том, что правовое равенство и свобода предполагают определенный уровень благосостояния и полагали возможным разрешение этой проблемы «с помощью правовых средств и в пределах правового государства в широком смысле этого слова», так как «идея права и правового государства далеко не исчерпывается теми формами, в которых она получила свое осуществление в течение XIX века», но «требует углубления основных понятий свободы, равенства, собственности, общей воли, с которыми мы привыкли связывать идею права»⁴⁹. Это заставило иначе подойти к проблеме взаимных прав и обязанностей между индивидом и государством. Права индивида приобретали статус *притязаний* по отношению к государству, от которого имеют право требовать «известный минимум образования..., вспомоществования в тех случаях, когда индивид лишен трудоспособности (болезнь, увечье, старость)..., возможности труда в тех случаях, когда индивид не по своей воле лишился заработка». Государство в свою очередь «*обязано* оказать индивиду во всех этих случаях помощь», «*обязано* обеспечить «достойное существование», которое есть право индивида, а не в порядке благотворительности оказываемая ему помощь». Положительное понимание права требует от государства не только не вмешиваться в частную жизнь граждан, но и помогать им положительным образом. Но и отдельные лица обязаны прямо (например взносы на страхование рабочих) или косвенно (например школьные налоги) по отношению к другим лицам положительными актами, и притом в порядке не нравственного благотворения, а чисто правового обязательства». Поскольку права человека составляют содержание его свободы, то свобода понимается теперь не только как запрет совершать по отношению к нему определенные поступки, но также и положительное состояние, «предписывающее со стороны других определенные акты».

Второй основной принцип либерализма – принцип *равенства*, понимаемый ранее как отмена привилегий для одних и введение запретов для других, тоже наделялся неким положительным содержанием. Равенство в образовании заключается уже «не в праве каждого ребенка по-

⁴⁹ Гессен С.И. Правовое государство и социализм // Избр. соч. – М., 1999. С. 180–181.

ступать в любую школу, к которой он подготовлен своими знаниями» (отмена сословных ограничений и привилегий...), но право получить именно то образование, в котором он, в силу особых условий своего существования, нуждается». Равенство в экономической области «включает в себя также и право пользоваться поддержкой государства в тех случаях, когда стихийные условия жизни превращают экономическую борьбу двух лиц в одностороннее господство одного над совершенно обезличенным существованием другого. Конкуренция, которую не отрицает новый либерализм, должна носить правовой характер /.../, неравенство не должно идти так далеко, чтоб борьба превращалась в голое насилие /.../. Поддержка слабых, которую новый либерализм считает правовой обязанностью государства, должна не столько ослабить или понизить конкуренцию, она должна обеспечить не просто равенство перед законом, но «равенство исходного пункта» в предстоящей жизненной борьбе»⁵⁰.

Таким образом, либерализм чрезвычайно расширил сферу деятельности государства, требуя такого усиления его активности в области «положительной культурной работы» (школы, страхование, промышленность, земледелие, торговля), какая не представлялась возможной правоверному либерализму.

С изменением взгляда на задачи государства тесно связан вопрос об участии граждан в осуществлении государственной власти.

Демократия, требующая «расширения избирательного права, привлечения к законодательству и управлению широких слоев народа», рассматривалась в качестве «гарантии осуществления прав на достойное существование, обеспечения каждому свободы и равенства в их новом, расширенном понимании».

Внеся в толкование либеральных прав и свобод социальный смысл, неолиберализм был интерпретирован как «социальный либерализм». Однако теория, построенная на идее соединения буржуазного права с принципом социальной справедливости в рамках правового государства, имела главного оппонента в лице действительности, которая со всей очевидностью демонстрировала, что в наиболее развитых европейских правовых государствах имущие, зажиточные классы, обладая господствующим положением, «направляют деятельность государства в интересах крупного капитала».

Во введении всеобщего избирательного права, равного для всех, и прямого, с тайной подачей голосов, виделся инструмент демократизации системы государственного управления, которая в силу пропорционального представительства будет становиться по-настоящему народной. Участие «всего народа в лице своих представителей» в создании и

⁵⁰ Гессен С.И. Указ. соч. С. 183–184.

выработке законов, оказание влияния на деятельность правительства и общую политику своей страны «повысит уровень правосознания в народе, увеличит в нем чувство ответственности, внушит ему большее уважение к законности, к своим и чужим правам, усилит в нем сознание общественной и национальной солидарности и заставит его признать важность общегосударственных и общенациональных интересов»⁵¹.

Кистяковский выдвинул идею «правового социализма» как подчинение экономической жизни общества культурным целям человечества.

Государство выступает координатором солидарности интересов людей, что должно для них стать самым ценным. Чтобы государство стало таковым, необходимо нравственное и духовное развитие личности. Таким образом, с одной стороны, государство как высшая, всеобъемлющая форма солидарности, с другой – свободная в высшем нравственном, а не либерально-буржуазном смысле личность.

Это государство функционирует на уровне гражданско-правовых институтов, которые развиваются в сторону «*правового социализма*», что выражается в расширении системы публичных прав субъектов: права на труд; права каждого на пользование землей и орудиями производства; права на участие во всех материальных и культурных благах – все они объединяются одним общим правом – на «достойное человеческое существование». Система гарантированных прав личности пополняется новыми правами.

Социалистическое государство интерпретируется Кистяковским как следующая и более высокая стадия развития буржуазного правового государства, задача которого подчинение закону и политики, и экономики во имя либеральных ценностей, ставящих во главу угла высшую значимость жизни конкретных людей. Буржуазное правовое государство может стать школой демократии и лабораторией, где вырабатываются институты будущего строя.

Работы представителей нового течения либерализма демонстрируют широкую эрудицию авторов, понимание отдельных явлений общественно-политического развития России выражается во множестве точных и ярких его характеристик. Теоретические поиски в области совершенствования правового государства во многом были реализованы в практике западных демократий XX века и не утратили в ряде аспектов своей научной и практической ценности и сегодня. Но на рубеже XIX–XX веков они были далеки от реальных проблем российского общества. Таков был путь развития российского теоретического либерализма в государстве «полного бесправия личности и самой строгой полицейско-бюрократической опеки, где вплоть до законодательства последних лет было наказуемо,

⁵¹ Кистяковский Б.А. Государство правовое и социалистическое // Вопр. философии. 1990. № 6. С. 151.

как важное государственное преступление, даже простое стремление улучшить общественный и государственный строй России»⁵².

2.5. Партийная дифференциация политического либерализма

Политическая практика вызвала раскол либерализма, создав широкий спектр его разновидностей: от либерально-консервативного в лице Святополка-Мирского, пытавшегося совместить самодержавие с представительством общественности, до леворадикального в лице Петрункевича, призывавшего «в интересах борьбы с самодержавием и установления конституционного строя» к союзу с революционными силами. Деятели земско-либерального движения считали, что земские учреждения и городские думы, созданные по реформе Александра II, естественно, развиваясь, приведут к конституции без смутных революционных эксцессов. Их кредо выразил Д. Шипов старым славянофильским тезисом «народу мнение, царю – решение».

Раскол либерализма инициировался той его частью, которая в октябре 1905 г. создала партию конституционных демократов – крупнейшее объединение российского либерализма. Для широкого пользования они назвались Партией народной свободы.

Особенностью либерального движения стало возникновение различных вначале кружков, затем партий, шедших под знаменем либерализма, вступление их в борьбу с существующей властью. За что сторонниками старого охранительного либерализма были отлучены от либерализма, который, с их точки зрения, «нарушил главный принцип либерализма – поддерживать власть или самодержавие».

С 1899 года существовал кружок «Беседа», в который входили 50 земских деятелей различных направлений. Ядро его поначалу составляли ортодоксальные либералы, считавшие самодержавие положительным явлением русской жизни. (Д. Шипов, М. Стахович, Н. Хомяков).

Постепенно набирают силу сторонники конституции – П. Миллюков, П. Струве. В конечном итоге либерализм превращается в блок политических партий, пытавшихся сыграть роль парламентского посредника между приверженцами радикально-революционных действий и реакцией.

«Союз 17 октября», в народе – «октябристы», вместе с примыкавшими к нему партиями и организациями представлял собой правый фланг российского либерального лагеря, занимая промежуточное положение между крайне правыми и конституционными демократами. «Партия мирного обновления», практически примыкавшая к октябри-

⁵² Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 152.

стам, смыкалась с кадетами, а такие присоединившиеся к ним образования, как «Партия правого порядка», «Народная партия», «Партия за царя и порядок» – в Калуге, «Правового порядка и Манифеста» – в Коломне и др. в своей практической деятельности не отличались от монархических.

Октябристы выступали за наследственную конституционную монархию, «в которой император как носитель верховной власти ограничен постановлениями Основных законов». Введение парламентского строя считали неприемлемым как с исторической, так и с политической точек зрения. В сохранении монархической формы они видели «залог связи с прошлым, ручательство в правильном направлении» «государственного корабля», ограждении его от напрасных бурь и шатаний, словом, залог закономерного (органичного) развития России из основ ее тысячелетнего прошлого. В структуру высшей власти должны были войти монарх, царствующий и управляющий, и двухпалатное народное представительство, избираемое на основе прямых, цензовых выборов. Нижняя палата – Дума, верхняя – Госсовет, который должен исправлять и корректировать решения Думы. В области гражданских прав стояли на наиболее демократических позициях, выдвигая типичные либеральные требования. В национальном вопросе выступали «за единую и неделимую» Россию, культурное, но не политическое равноправие, проповедовали антисемитизм. В аграрном вопросе – за последовательную буржуазную реформу, предлагали уравнивать крестьян в гражданских правах, освобождать от административной опеки, ликвидировать общину, раздать крестьянам пустующие казенные земли, содействовать покупке земель у частных владельцев при посредстве крестьянского банка, развитию кредита, внедрению агрономических знаний, т.е. были более радикальны, чем Столыпин, делавший ставку на зажиточных крестьян.

В рабочем вопросе требовали улучшения жилищных условий, поднятия культурного уровня и образования, были готовы признать право на создание рабочих организаций, союзов, собраний при условии их экономической направленности, т.е. право на урегулирование отношений между рабочими и хозяевами. Много внимания в программе было уделено вопросам народного образования, реформы суда, системы местного административного управления, а также мерам в области экономики и финансов.

В их составе поколение российского освободительного движения 80-х годов, просвещенное чиновничество, профессура, адвокаты Бенуа и Плевако, издатели и журналисты Столыпин, Суворин, крупнейшие представители торгово-промышленного и банковского мира – Мухин, Нобель, братья Рябушинские, глава известнейшей ювелирной фирмы – Фаберже, графы Волконский, Гейден, Стахович.

Крупнейшим объединением российского политического либерализма была **Партия конституционных демократов** или Партия народ-

ной свободы. Во главе ее стояли Милуков, Маклаков, А.И. Шингарев, Струве, Набоков, князь Долгорукие, князь Шаховской, ученый академик Вернадский, крупные юристы – Петражицкий и Котляревский, историки – Корнилов и Кизеветтер. Социальной основой являлись земско-либеральные элементы левой ориентации, профессора крупнейших университетов, адвокаты, врачи и т.п.). Она также представляла из себя довольно аморфное политическое образование сторонников Земства и Конституции. В период революции 1905–1907 гг. был большой приток рабочих, ремесленников, служащих в Партию народной свободы, которые довольно быстро ее покинули, разочаровавшись в поведении ее представителей в первой и второй Думах.

Партия в основном представляла интересы собственно буржуазных элементов – купцов, промышленников, банкиров, средних городских слоев. После Февральской революции в нее стали вступать прогрессисты и даже бывшие монархисты, с одной стороны, и лица демократического происхождения – с другой.

Являясь идеологами либерализма нового типа, конституционные демократы считали капитализм наиболее оптимальным вариантом общественного прогресса. Отвергая идею социальной революции, насильственные социальные перевороты, они были сторонниками эволюционного развития общества. Но, по мнению кадетских теоретиков, политическая революция правомерна тогда и постольку, когда и поскольку она берет на себя разрешение тех объективно назревших исторических задач, которые в силу тех или иных причин не в состоянии решить существующая власть. Революция – следствие неразумной политики правительства.

Поскольку реформа изменила основу материального способа производства, оставив в неприкосновенности политическую надстройку, они видели свою задачу в преобразовании последней. Их программа – радикально-демократический вариант реформистского решения коренных вопросов российской действительности. В ней с наибольшей последовательностью были выражены тенденции капиталистического развития страны на обозримую эпоху. Исходной посылкой была идея постепенного реформирования старой государственной власти.

Политическим идеалом кадетов была парламентская конституционная монархия английского типа. Они последовательно проводили идею разделения властей, требовали создания ответственного перед государственной Думой правительства, коренной реформы местного самоуправления и суда, введения всеобщего избирательного права, всего комплекса демократических свобод. В условиях России того времени эта программа имела прогрессивное значение. Им удалось создать такую теоретическую модель устройства правового государства, которая могла бы стать образцом для любого демократического государства.

Однако являясь поборниками прав личности и демократии, они продолжали до конца оставаться сторонниками унитарного государственного устройства России. Не признавали права наций на политическое самоопределение. Как и октябристы, в национальной программе ограничились признанием права на культурно-национальное самоопределение, лишь в отдельных случаях соглашаясь на введение автономии. В аграрном вопросе они шли дальше октябристов, считая необходимым частично-принудительное отчуждение земли крупных помещичьих землевладений, которые были экономической основой самодержавной власти (выкуп через местные земельные комитеты). Стремилась смягчить положение основной массы крестьянства и дать простор развитию производительных сил в сельском хозяйстве.

Более радикальны были они и в рабочем вопросе, выступая за постепенное введение 8-ми часового рабочего дня, арбитражных судов с участием рабочих, социального страхования. Экономический раздел включал программу ликвидации нерентабельного хозяйства, принадлежащего государству, сокращения государственной промышленности за счет продажи ее предпринимателям. Эта часть программы, отражая интересы буржуазии, разделялась и октябристами, и прогрессистами. В общем в кадетской программе нашли отражение общенациональные интересы демократического преобразования страны. Они мечтали о создании «идеального» общества, в котором не будет непреодолимых классовых конфликтов, установятся гармоничные социальные отношения, будут созданы оптимальные условия для всестороннего развития личности.

В политической практике предпочитали мирные формы борьбы, рассчитывали на возможность компромисса с монархией, пытались переклестить массовое движение в стране с революционного на парламентский путь.

Однако на политической арене уже существовала и в условиях революции ускоренными темпами распространялась более радикальная идеология. Социализм начинает конкурировать с либеральной идеологией еще до установления капитализма. Либерализм перенимал социальные аспекты и менялся под влиянием социализма, но он не мог быть столь же радикальным. Развитие социалистического движения, социалистической идеологии в России сделало либералов «правым», по отношению к социалистическому лагерю. Социалисты поставили более радикально многие вопросы, которые выдвигали либералы.

Причины того, что леворадикальное мировоззрение привилось в России быстрее и шире, чем либеральное, безусловно, нужно искать в характере ее развития. Несмотря на бурное развитие капитализма после 1861 г. в России не образовалось общества, способного придать смысл либеральным концепциям свободы как высшей цели, высшей правила человеческого общежития, как универсального идеала, превосходящего

классовые интересы. К тому же наш политический либерализм тяготеет всегда вправо. Ему не был присущ западный дух свободы. Его свобода была как бы заключена в «жесткий каркас существовавшей социально-политической системы». Либералы уступили вначале народникам, а потом большевикам – демократизм. Либерализм и демократическое государство развивались на Западе параллельно, дополняя друг друга. В России либерализм, стоя на охранительных позициях, не ассоциировался с духом свободы. Доктрина, которая на Западе служила ярким символом свободы и прогресса, долгое время несла на себе в России клеймо охранительной, а значит, консервативной идеологии. Высокообразованные аристократы, которые разрабатывали эту доктрину, слишком «далеки были от народа», видя в нем неразвитую, темную массу, не желали опускаться до него.

Вопросы о свободе крестьян, о ликвидации сословной системы были поставлены поздно и доведены до логического конца не ими.

Свобода, равенство – то, чем привлекал либерализм на Западе, – не являлись в глазах народа ценностями, если речь не шла о социальном равенстве. Демократизм вообще не был в России либеральной ценностью.

Народники, а потом большевики, были ближе к народу, чем высокоинтеллектуальные аристократы. Они сразу придали демократизму радикально социальную направленность. В результате демократизм в России все больше принимал «плебейски-разрушительный» характер, а либерализм оставался элитарным.

Сами по себе идеи свободы, автономии личности, правового государства, которые отстаивал либерализм, были для российского общества, где для огромной массы людей речь шла о выживании, где огромные обнищавшие после «великой реформы» массы ведут полуголодное существование, чем-то внешним, более высоким, чем это общество.

Демократия и свобода индивида в западном понимании не имели механизмов в обществе. Нужно было время, чтобы изменилось общество, постепенно впитывая ценности либерализма. Нужен был либерализм, который смог бы понять проблемы народа так, как их поняли народники и подхватили большевики. Но времени уже не было. Следует учитывать и фактор первой мировой войны, обостривший все противоречия и приблизивший революционную катастрофу 1917 года.

Революция, а затем гражданская война, не просто отодвинули народнически-демократическую и либеральную тенденции на задний план. Социальный взрыв сломал прежнее равновесие, вывел на арену массовые силы и интересы. Их поведение, психология разительно отличались, как оказалось, от представлений либералов и даже демократов. Все промежуточные формы противоборствующих идеологий ступеньками уходят в небытие. На политической арене остаются крайне

экстремистские силы. На одном полюсе оказались большевики, на другом – белые, т.е. только враги.

Концентрация власти в руках первых приводит к более чем семидесятилетнему безальтернативному господству коммунистической идеологии, которая по меткому определению И. Ильина, была попыткой вернуть общество «к доисторической первобытной коллективности, к недифференцированному состоянию души и общества». В результате чего «русский человек, начавший революцию в качестве **инстинктивно индивидуализированного бунтовщика**, заканчивает ее в качестве **инстинктивно и духовно коллективизированного раба**. Большевизм был только соблазном; настоящим замыслом был коммунизм. Надо было взбунтовать русского гражданина, чтобы превратить его в крепостного пролетария. Надо было сделать ставку на разнуздание инстинкта, чтобы захватить власть; чтобы в дальнейшем раздавить всякую индивидуализацию, как инстинктивную, так и духовную; чтобы подорвать и искоренить (по возможности) всякую духовность – как личную, так и примитивно-коллективную; чтобы коллективизировать инстинкт, оторвать его от духа и закрепить эту коллективизацию нищетой, голодом и страхом ... и превратить человека... в духовно опустошенный, но покорный механизм. Такова трагедия русской революции»⁵³.

Контрольные вопросы

1. В чем состояло отличие в понимании свободы в западноевропейской и российской политической культуре?
2. О каких разновидностях либерализма говорится в работе Б. Чичерина?
3. В чем заключалась противоречивость позиции «дворянских либералов» в отношении самодержавия и крепостничества?
4. Решение проблем власти, государства и человеческих прав в работах Б. Чичерина и К. Кавелина.
5. Какова аргументация и основные положения концепций «правового государства» П. Новгородцева, «достойного существования» человека С. Гессена, «правового социализма» Б. Кистяковского?
6. В чем состоял смысл «трагедии либерализма» в России начала XX века?

⁵³ Ильин И. Возникновение и преодоление большевизма в России. О грядущей России // Избр. ст. – М., 1991. С. 119.

Тема 3

РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ: ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИИ, ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ

3.1. Концептуально-теоретические и политические особенности. Типологизация

Становление российского консерватизма как идейно-политического течения относится к концу XVIII – началу XIX века. Оно вызвано влиянием идей Великой французской революции, которые, несмотря на охранительные меры российского правительства, находили отклик среди российской интеллигенции.

Российский консерватизм имел свои политические особенности, вытекавшие из общего состояния политической жизни российского общества, формы политической власти, социальной структуры общества, расстановки политических сил и т.п. Некоторые авторы выделяют в российской истории периоды преобладающего господства консерватизма в политике и идеологии и сменявшие их либеральные периоды: либеральная политика и идеи Александра I – консерватизм Николая I – либеральные реформы и идеи Александра II – консервативная политика Александра III и отчасти Николая II. Хотя либерализм российской политики был всегда весьма условным.

Распространенной является в литературе точка зрения, в соответствии с которой русский консерватизм как идеология, уже только части дворянства, возник как реакция на «александровский либерализм» и затем продолжался как охранительная тенденция⁵⁴.

Однако ряд исследователей, мнение которых выразил М. Руткевич, полагают, что характеристика русского консерватизма как охранительного совершенно недостаточна и «настоящими русскими консерваторами были как раз те, кто пытался проводить реформы сверху, подобно Бисмарку»⁵⁵. В этой связи он усомнился в отнесении к либералам не только Екатерины II, но и Сперанского, а также и в характеристике реформ Александра I и Александра II как либеральных.

Охрана самодержавной власти – одна из особенностей русского либерализма. Идеологи консерватизма вплоть до начала XX века исходили из незыблемости самодержавия в России. Николай II не видел необхо-

⁵⁴ См. подробнее: Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. – М., 2000. С. 34–49.

⁵⁵ Семинар по проблемам консерватизма в Российском фонде культуры // Вопр. философии. 2001. № 8. С. 166.

димости перемен, не желал их и многие решения принимал, уступая лишь обстоятельствам, часто с запозданием. В таких условиях консервативная идеология не могла выдвигать конструктивных программ модернизации российского общества, ограничиваясь мерами тактического характера.

Консерватизм в России выражал идейно-политическое содержание самодержавной власти, обосновывал ее незыблемость и необходимость. После ликвидации монархии в России перестали существовать партии консервативной ориентации (монархисты, октябристы) и значительно ослабли идейные позиции консервативного течения. Консерватизм переместился за пределы России и функционировал вне ее пределов.

Русский консерватизм не образовал философской школы в строгом смысле этого слова. Об этом свидетельствует литературно-публицистическая форма изложения консервативными мыслителями своих взглядов, за немногими исключениями свободная от всяких внешних атрибутов академического философствования.

Вместе с тем, идейные течения, входящие в орбиту русского консерватизма, отличались не только общностью решений, предлагаемых по ключевым проблемам общественного и государственного развития, но характеризовались общностью способа философствования. «Консервативным мыслителям России присущ общий социофилософский дискурс. Причем не только *негативного* свойства (отрицание социально-политических проектов и иерархии ценностей, исповедуемых либерализмом и левым радикализмом), но и *позитивного* (схожесть когнитивных и ценностных подходов)⁵⁶.

Хотя ряду мыслителей, Н.Я. Данилевскому, К.Н. Леонтьеву, И.А. Ильину, удалось свести свои социально-политические, историософские взгляды в развернутую систему.

Русский консерватизм, в принципе, отказывая (что является характерной чертой консерватизма вообще) теории в праве руководить практикой, сам ни в коей мере не только не поступался в угоду повседневной практике собственными представлениями о «должном порядке социального бытия», но ни один из консерваторов не возражал против претворения своих идей в жизнь, а иногда прилагал к тому более или менее значительные усилия.

Не предусматривая существования некоего идеального состояния как финальной точки на историческом пути человечества вообще и русского народа в частности, философия русского консерватизма не содержит в себе детализированной альтернативы наличному устройству со-

⁵⁶ Карцов А.С. Русский консерватизм как интеллектуальная традиция. Консерватизм и либерализм. История и современные концепции. – СПб.: СПбГУ, 2002. С. 42.

циума. Тем не менее, консервативные мыслители были озабочены поиском таких высших ценностей, преданность которым сплотила бы русское общество и предписала бы его членам нормы поведения, содействующие сохранению этих ценностей. Поиск таких ценностей связан с идеализацией определенных исторических периодов. Для славянофилов это эпоха Киево-Московской Руси, для К. Леонтьева – общественное устройство и государственность Византии, К.П. Победоносцева – Николая I. Славянофилы были первыми, кто призывал к возрождению потерянных ценностей и воссозданию утраченных институтов, обращаясь при этом к «русским традициям» и апеллируя к «русскому человеку» в такой многонациональной стране, как Россия.

Теория «культурно-исторический тип» Н.Я. Данилевского обосновывала неравенство народов, способных образовать таковые, и народов, их не образующих. Исполняя свое предназначение, первые творят национальную культуру и государственность, в дальнейшем сберегая их уникальность. Утрата самобытной культуры равносильна по своей гибельности потере политического суверенитета. Отсюда понятна и органическая связь русского консерватизма с православной религией, опора на религиозные догматы в разработке теоретических построений. Хотя здесь консервативный национализм вступает в противоречие с присутствующим консервативному мышлению стремлением к солидаризму – сплочению всего населения государства вне различия социальных и национальных традиций и в таком качестве подчас эволюционирует в сторону правого радикализма. Однако, как отмечают исследователи, «этнический национализм в русском консерватизме по своей распространенности уступает национализму государственному, видевшему в «русскости» не этно-биологическую категорию, но прежде всего соответствующее мироощущение»⁵⁷.

Второй тип национализма был обоснован в послереволюционных работах И. Ильина, написанных в эмиграции.

Определенную сложность представляет классификация российского консерватизма по общему набору критериев. Представляется интересным взгляд на проблему петербургского историка, юриста и политолога А.С. Карцова, предложившего трехосевую классификацию⁵⁸. Отношение к направленности социально-политических изменений и их динамике высвечивает три подхода: умеренно-консервативный, охранительный и ультраконсервативный. Первый не отрицает изменений самих по себе, но ратует за их историческую обоснованность и плавность поведения. К этому течению можно отнести славянофилов И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина, почвенников Н.Н. Страхова и Ф.М. Достоевского,

⁵⁷ Там же.– С. 52–53.

⁵⁸ Там же.– С. 53–54.

«либерального консерватора» Б.Н. Чичерина, а также мировоззрение М.Н. Каткова и К.П. Победоносцева до рубежа 1860–1870-х годов.

Охранительный консерватизм выступал против сколько-нибудь серьезных изменений, полагая, что в большинстве случаев новации скорее вредят, чем приносят пользу. Такова позиция, которую заняли Катков и Победоносцев с середины 70-х годов (после покушения на Александра II в 1866 г.) и возглавляемая ими консервативная группировка в правительстве.

Ультраконсерватизм отвергал лишь те изменения, которые разрушали традиционные ценности и институты, но одобрял коренные изменения в наличном социально-политическом устройстве, когда те нацелены на восстановление утраченного. Типичным представителем такой позиции был К.Н. Леонтьев.

Вторая классификационная ось – статус отдельных социальных групп относительно друг друга и самодержавной власти, позволяет выделить социальный (элитистский) консерватизм сторонников первенства дворянского сословия. К ним тяготели либеральный консерватор Б.Н. Чичерин (до 1863 г.), кружок, сосредоточившийся в 60-х годах XIX в. вокруг газеты «Весть», а также вышеназванного К.Н. Леонтьева.

Политический консерватизм или элитистский отстаивал незыблемость самодержавия и равенство перед ним (в той или иной степени между собой) всех категорий подданных. Сюда можно отнести и поздних славянофилов, почвенников, Н.Я. Данилевского, Победоносцева и Каткова, идеологов черносотенства.

Третья классификационная ось выявляет различные подходы к неповторимости исторического пути России. Консерваторы-«самобытники» (поздние славянофилы, почвенники, Данилевский, Победоносцев, а также идеологи черносотенства), исповедовавшие идею неповторимости исторического пути России, и консерваторы «западники». Последним была свойственна идеализация той или иной социально-политической модели европейского происхождения (британская модель Б.Н. Чичерина и М.Н. Каткова в 50-е–60-е годы; прусская модель консерваторов, сгруппировавшихся вокруг известной газеты «Весть»; византийская модель К.Н. Леонтьева; и впоследствии немецко-итальянская модель праворадикальных идеологов русского зарубежья).

Особое место занимали такие мыслители, как Б.П. Струве, И.А. Ильин и С.Л. Франк, защищавшие не столько конкретный политический режим и социальное устройство, сколько обосновывавшие ценностные основы бытия общества, государства и человека, а потому не отвергавшие таких неприемлемых для российского консерватизма того периода понятий, как «прогресс», «Политическая свобода», «права человека».

3.2. Идейные истоки: зарубежные влияния, зарождение идеологии

Охранительные идеи, шедшие в курсе официальной правительственной мысли, в конце XVIII века выражали такие крупные общественные деятели, как Н.М. Карамзин, Г.Р. Державин, В.А. Жуковский, А.С. Шишков. Будучи связанным с особенностями российского исторического процесса и имея свои собственные идеи, российский консерватизм испытывал влияние различных западноевропейских консервативных учений.

Термин «консерватизм» начинает входить в употребление в политике с конца XVIII века. Под ним понимается стремление сохранить господство того социального слоя, который представляло собой землевладельческое дворянство, сплотившееся вокруг монархии с ее сословным слоем.

Труды европейских, американских консервативных мыслителей получили распространение в России. Никто иной, как убежденный либерал, сторонник А. Смита С.Е. Десницкий переводит с английского языка и издает в России в 1780–1782 годах по «высочайшему повелению» труды английского консерватора В. Блэкстона.

В годы правления Александра I издаются сочинения аббата Баррюэля против якобинцев «для просвещения умов». Издание было предпринято традиционалистами-консерваторами, противостоявшими группировке «молодых друзей» Александра I, которых Г.Р. Державин и его «сопартийцы» окрестили «якобинской шайкой».

Известно, например, значительное влияние на русские общественные круги такого крупного французского консервативного мыслителя, выдающегося литератора, как Ф.Р. Шатобриан.

Западный консерватизм проникал в Россию вместе со своими, причем, наиболее яркими представителями. Четырнадцать лет прожил в России в начале XIX века Жозеф де Мэстр, уже известный своей работой о французской революции, где назвал ее «сатанической» и божьей карой за нарушение мирового порядка. Будучи весьма образованным и авторитетным дипломатом, он высказывает свои взгляды на Россию, в которых он поддерживает крепостничество, вполне определенно подчеркивает, что «император не может царствовать без рабства, и действительной опорой царя должно быть дворянство, которому можно сделать ряд упреков, но которое в России нечем заменить»⁵⁹. Ж. де Мэстр предрекал всеобщий пожар в России, если 36 миллионов крепостных, или, как он их называл, рабов, получают свободу. Более того, он даже

⁵⁹ Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / Под ред. В. Гросула. – М., 2000. С. 59.

выступает против добровольного освобождения крестьян помещиками, опасаясь разорения последних. Кроме того, внимание де Местра к внутренним делам России и его советы в духе «махровой реакции» объяснялись тем, что он видел в России, как и в Англии, последний мощный оплот, способный противостоять революции. Жозеф де Местр, называвший самым великим бедствием дух обновления, оказался очень близок настроениям русских консерваторов. В исторической литературе отмечается, что он был хорошо знаком с лидерами двух основных групп русского консервативного дворянства – Шишковым и Карамзиным. Широко известен также и факт участия де Местра в заговоре против Сперанского.

Трагические события французской революции в значительной степени способствовали утверждению консервативно-охранительной идеологии, отказу идеям Просвещения. Побывав в Париже в самый разгар революции, Н.М. Карамзин резко негативно оценил эти события, назвав их трагедией, и сделал вывод о том, что «всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан, и в самом несовершеннейшем надобно удивляться чудесной гармонии, благоустройству, порядку ... Всякие же насильственные потрясения гибельны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот»⁶⁰. Печатью монархической концепции отмечена «История» Карамзина. Монархия как форма правления, по его мнению, необходима, чтобы способствовать благу людей: поддержке стабильности и общественного порядка. Карамзин осуждал деспотизм, тиранию Ивана Грозного, но считал самодержавие «хранителем России». Силу самодержавного правления он видел в «сердце» монарха. Доказательства необходимости самодержавия и крепостного права для России содержатся и в записке «О древней и новой России», обращенной к императору Александру I. «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спасалась мудрым самодержавием», которое есть «палладиум России»⁶¹. Ссылаясь на Монтескье, называвшим основным принципом монархии честь и как обязательное условие – уважение монархом дворянской чести и забота о сохранении родового дворянства, Карамзин выступает за сохранение жесткой сословной иерархии, «наследственный порядок», при котором «народ работает, купцы торгуют, дворяне служат». Расширение же этого слоя за счет людей низкого происхождения есть «оскорбление дворянского сословия». «Мнение не мое, – пишет Карамзин, – но всех глубокомысленных по-

⁶⁰ Карамзин Н.М. // Соч. – Л., 1984. Т. 1. С. 315–316.

⁶¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. Антология мировой политической мысли... Т. 3. С. 635.

литиков есть, что твердо основанные правила благородства в монархии служат ей опорой»⁶².

Идеологом крайне правого дворянского консерватизма был А.С. Шишков – государственный деятель, филолог, вице-адмирал. Его горячий патриотизм и безграничная любовь к Родине были замешаны на махрово-реакционной идеализации российских порядков, признании их незыблемости, поклонении старине. Выступая против всеобщего просвещения народа, за сословное образование, в процесс которого не должны допускаться иностранцы, видел в православной вере, воспитании, ориентированном на отечественные традиции, и в языке важнейшие средства укрепления любви к России. Святая православная вера, «сей единственный человеческого благополучия источник, из которого народоправитель почерпнет мудрость, закон – силу, судия – правоту, полководец – мужество, земледелец – трудолюбие, воин – храбрость и бесстрашие», – писал он в труде «Рассуждение о любви к отечеству»⁶³. Борьбу с опасностью «европейского просвещения» консервативно настроенные дворяне рассматривали как одну из основных своих задач. Просвещение – категория не только познавательная, но в большем смысле мировоззренческая и нравственная. Николай I всецело разделял такие настроения, как писал С.М. Соловьев, «инстинктивно ненавидел просвещение, как поднимающее голову людям, дающее им возможность думать и судить, тогда как он, был воплощенное: *«не рассуждать»*»⁶⁴. Однако, испытывая предубеждение против гуманитарных наук, особенно философии, «нечестивой, безбожной, мятежной науки», он поощрял практически полезное профессионально-техническое, медицинское, военное образование. Вся система образования перестраивалась в охранительном духе. Изучение философии, естественного права, политических наук, теории естествознания сокращалось и вытеснялось не только из гимназий, но и из университетов. В средних учебных заведениях были введены телесные наказания.

3.3. Государственная идеология «николаевской реакции»: «Православие. Самодержавие. Народность»

Подавляя с помощью репрессий и усиления политического надзора проявления общественного оживления, вызванного июльской револю-

⁶² Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. Антология мировой политической мысли... Т. 3. С. 635–636.

⁶³ Шишков А.С. Рассуждения о любви к отечеству. С. 639.

⁶⁴ Соловьев С.М. // Избр. тр.: Записки. – М., 1983. С. 311.

цией во Франции, власть ощущала потребность в укреплении своей идеологической базы. Нужна была идея, способная привлечь общество, сплотить его консервативные элементы, нейтрализовать инакомыслящих. Такая официальная идеология, выражавшая суть правительственного курса, была сформулирована министром народного просвещения графом С.С. Уваровым. Доктрина, получившая в литературе название *«теории официальной народности»*, базировалась на трех основаниях: *Православии, Самодержавии и Народности*, которые должны были противостоять разрушительным началам и чуждым иноземным влияниям. Условием крепости любого государства является «вера предков», а также неразрывная связь «народных понятий с тронем и церковью». «Тогда как другие народы не ведают покоя и слабеют от разномыслия, она (Россия) крепка единодушием беспримерным. Здесь царь любит отечество в лице народа и правит им как отец, руководствуясь законами, а народ не умеет отделять отечество от царя и видит в нем свое счастье, силу и славу»⁶⁵.

Православие, провозглашенное Уваровым в качестве первого из спасительных начал в лице церкви, являлось одной из сильнейших опор традиционализма и консерватизма в России. «Искренне и глубоко привязанный к церкви отцов своих, русский искони взирал на нее как на залог счастья общественного и семейного. Без любви к вере предков народ, как и честный человек, должен погибнуть»⁶⁶.

Она учила смирению, покорности воле Божьей и установленным свыше властям, самоотверженности, отказу от себялюбия и эгоистических порывов. Важно было сохранить и укрепить авторитет церкви в народе. Явным является и направленность уваровской доктрины против идей просвещения, прославляющих и расковыливающих человеческий разум и волю.

Второй принцип знаменитой триады был заложен Н.М. Карамзиным в его концепции самодержавия как Палладиума России, которую он постарался внушить преемнику Александра Николаю I. Идея самодержавия становится с тех пор центральным ядром официальной идеологии. «Самодержавие составляет главное условие политического существования России. Русский колос опирается на самодержавии как на краеугольном камне своего величия... Спасительное убеждение, что Россия живет и охраняется духом самодержавия сильного, человеколюбивого, просвещенного, должно проникать в народное воспитание и с ним развиваться»⁶⁷.

⁶⁵ Цит. по: Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX в.). – М., 1991. С. 53.

⁶⁶ Цимбаев Н.И. Под бременем познания и сомнения... (Идейные искания 30-х годов) // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. – М., 1989. С. 30.

⁶⁷ Там же. С. 25–26.

В принципе народности русская национальная идея пропагандировала глубокое отличие России от Запада, признание особого национального характера и ценностных ориентаций русских, коренным образом отличающих их от народов Западной Европы. Краеугольным камнем идеологии николаевского царствования стала мысль о превосходстве православной и самодержавной России над гибнущим либеральным Западом. Все эти три начала «надлежало включить в систему общественного образования, чтобы она соединяла все выгоды нашего времени с преданиями прошедшего и надеждами будущего: чтобы народное воспитание соответствовало нашему порядку вещей и было бы не чуждо «европейского духа». Цель официальной идеологии Уваров сформулировал четко: «Изгладить противоборство так называемого европейского образования с потребностями нашими; исцелить новейшее поколение от слепого, необдуманного пристрастия к иноземному, распространяя в оных душах радушное уважение к отечественному...»⁶⁸.

Картина мира, сформированная Уваровым, претендовала на универсальность, ибо стремилась аккумулировать представления самых разных слоев николаевского общества. Она была основана на идее национальной исключительности и имперского превосходства России. В ней просматривался казенный патриотизм, базировавшийся на националистических образах, метко охарактеризованных князем Вяземским «квасным патриотизмом».

Однако, как отмечают исследователи, воздействие новой картины мира, стержнем которой было «превосходство царской России над Европой, на русскую общественность было довольно мощным. Противопоставление русских и западноевропейских политических и социальных институтов, образ «особого» русского пути глубоко укоренились и незаметно для рационального сознания были в целом приняты либеральной общественностью. Но в либеральной среде казенный тезис о превосходстве трансформируется в идею отсталости России. Споры о «превосходстве» и «отсталости» России составили главное содержание идейной жизни интеллигенции середины XIX века и именно на этой основе «со временем возникли основные разновидности раннего российского либерализма – западничество и славянофильство»⁶⁹.

Идеи этой теории нашли отражение в исторических трудах историка М.П. Погодина, главной мыслью его взглядов было доказательство единства двух начал – народа и государя. Воля монарха объявлялась действенной силой истории, носителем ее духа. Западноевропейский процесс противопоставлялся особым «началам» русской истории, рус-

⁶⁸ Цимбаев Н.И. Под бременем познания и сомненья...(Идейные искания 30-х годов)// Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. – М., 1989. С. 30.

⁶⁹ См. подробнее: Жидков В.С., Соколов К.Б. Десять веков российской ментальности: картина мира и власть. – СПб., 2001. С. 313–314.

ской жизни. В отличие от Запада, где государства создавались с помощью насильственных завоеваний, в России варяги были *приглашены* славянами, что и создало, по его мнению, своеобразие русской истории. «Особость» русского народа Погодин видел в религиозно-православных чувствах, в «тихом, спокойном, терпеливом» характере, не менявшемся в течение многих веков, следствием чего было «отсутствие в государстве внутренней борьбы». Отсутствие в России законов и учреждений, подобных западноевропейским, он объяснял тем, что «всякое постановление должно непременно иметь свое семя и свой корень ..., пересаживать чужие растения, как бы они ни были пышны и блистательны, не всегда бывает возможно или полезно»⁷⁰. Отсюда делался вывод о том, что российская история может сделаться охранительницей и блюстительницей общественного спокойствия, самой верной и надежной. Идеи официальной народности Погодин пропагандировал и в дальнейшем как в лекциях, так и в печати, однако, придерживаясь консервативных взглядов на государственное устройство России, ученый в то же время был убежденным сторонником отмены крепостного права и свою приверженность самодержавию основывал, прежде всего, на просветительской миссии, которую с ним связывал. История и философия согласно позиции представителей просветительского консерватизма должны и могут служить опорой существующих порядков, если представители гуманитарных наук будут рассматривать развитие науки как «дело государственное».

«Русская философия, чтобы стать национальной, – писал известный в свое время киевский профессор Орест Новицкий, – должна основываться на благочестии, патриотизме и преданности своему царю. Ее краеугольным камнем должно явиться не умозрение (как у немцев), не опыт (как у французов), а вера. Тем самым философия получит высшее завершение, преодолев односторонность прежних направлений».

С середины 40-х годов со страниц журналов исчезают статьи по философии, и все больше акцент делается на религиозно-нравственном воспитании. Наиболее типичной становится тема: православие – источник спасения Отечества, а также обоснование единства православия и самодержавия, интерпретируемое в духе средневековой схоластики: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога», а «дурное знание или знание заносчивое в тысячу раз опаснее, нежели полное неведение».

Вторая четверть XIX столетия – одна из самых консервативных эпох в истории России. Стремление сохранить в неприкосновенности устой существующего строя становится по существу главной задачей верховной власти и основой правительственной политики. Консерва-

⁷⁰ Цит. по: Русский консерватизм XIX столетия... С. 128.

тизм в политике правительства проявлялся, прежде всего, в заметном усилении централизации государственного управления, бюрократизации разных сфер жизни страны и, может быть, особенно выразительно в области идеологии, в которой идея всемерного усиления роли государства сочеталась с провозглашением национального курса политики и верности традициям. Одной из основополагающих становится теория самобытности России, ее коренного отличия от Западной Европы. Знамя народности и приоритет православия выдвигались в противовес влиянию «опасных» для России идей свободы, естественных прав, государства как договора равных по рождению людей. Целенаправленная пропаганда идеологии «православия, самодержавия, народности» сопровождалась мерами подавления любых проблесков религиозного и политического вольномыслия, деятельности сколько-нибудь независимой прессы.

Сообразуясь с сословными интересами дворянства и позицией ближайшего окружения, император проявлял упорное нежелание хоть сколько-нибудь считаться с более широкими кругами, действуя путем запретов. Это имело печальные последствия. Именно в николаевское царствование было заложено усиливающееся в дальнейшем расхождение, взаимная неприязнь между самодержавной властью и образованным обществом, что принесло впоследствии горькие плоды.

Консерватизм правительственный имел серьезную опору и в общественном сознании. В тесном сотрудничестве с властью выступал так называемый специфически российский консерватизм в лице творцов теории официальной народности – Погодина и Шевырева. Крайними выразителями этого направления явились писатели типа М.Н. Загоскина, доходившие порой до прямого обскурантизма.

Представители другого направления в лице писателей, ученых, некоторых сановников, сформировавшихся в александровскую эпоху, сочетали защиту самодержавно-крепостнических порядков с элементами западной идеологии просвещения (граф В.Н. Панин, В.А. Жуковский, Н.С. Мордвинов).

Характерной разновидностью изучаемого явления был консерватизм, определявшийся не столько идейными соображениями, сколько практической целесообразностью – стремлением выжить, приспособиться к существующему режиму, наконец, просто выгодой или карьеризмом. Существовал также, условно говоря, бытовой консерватизм, питавшийся традициями и не возвышавшийся до критического осмысления положения дел.

По мере того как политика правительства становилась все более консервативной и даже реакционной, в обществе нарастали оппозиционные настроения, подпитывавшиеся идеями ценности человеческого разума, стремлением к независимой мысли, признанием природного

равенства людей. Кроме того, меняющийся мир вокруг России, как и социально-экономические процессы, развивавшиеся внутри нее, приходил в противоречие с устаревающими идеологическими установками. В рамках консервативной идеологии рождались новые проекты.

3.4. Консервативный проект К. Леонтьева: критика буржуазной демократии; «византизм» и славянство

Оригинальным мыслителем второй половины XIX века был К.Н. Леонтьев. Длительное время Леонтьев изображался в отечественной литературе как идеолог реакции, и мракобес «апологет средневековья», пытавшийся теоретически обосновать застой и боровшийся против просвещения и прогресса. Действительно, непросто определить место этого философа в сложной и разноголосой социально-политической мысли этого времени. Поддерживая воззрения позднего славянофильства, к которому его обычно причисляют, он отличается эсхатологическими идеями, строгой религиозностью, политическим консерватизмом.

Будучи противником либерализма и демократии, К. Леонтьев разработал собственную теорию общественного развития, изложив ее в работе «Византизм и славянство». Каждое общество, полагал Леонтьев, проходит в своем развитии три этапа: первичной простоты и патриархальности; цветущей сложности; смещения, перехода во вторичное упрощение, упадка, замены другим⁷¹. Свои теоретические построения Леонтьев стремился обосновать ссылками на историческое развитие России и славянского мира. Он полагал, что России угрожает западная цивилизация, вступившая в третий период своего развития, – вторичного упрощения и упадка.

Выход для России он видел в следовании византийской традиции, под которой понимал самодержавное государство, православное христианство и антитезу в нравственном плане европейской идее земного всеравенства, всеобщности, всесовершенства и вседозволенности. Под знаменем византийского наследия, полагал Леонтьев, Россия выдержит натиск Европы. «Византизм организовал нас, система византийских идей создала величие наше, сопрягаясь с нашими патриархальными, простыми началами, с нашим, еще старым и грубым вначале, славянским материалом. Изменяя, даже в тайных помыслах наших, этому византизму, мы погубим Россию»⁷².

Идеалом государственного устройства для Леонтьева была абсолютная монархия, заимствованная у Византии. Сочетание новой религии хри-

⁷¹ См.: Леонтьев К.Н. Россия и славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). – М., 1996. С. 128.

⁷² Там же. С. 107.

стианства и древнего государственного права дало возможность первому христианскому государству устоять долго на почве расшатанной, полу-сгнившей, среди самых неблагоприятных обстоятельств. Византийское государство на почве России обрело себе плоть и кровь в царских родах, священных для России. Русское славянство – наиболее удобное этническое образование для принятия и сохранения византизма.

Россия, сильная своей монархической традицией, должна спасти весь мир, поражаемый европейским конституционализмом, европейскими политическими свободами. Он искренне не принимал демократии, революционных и даже либеральных взглядов. Он всецело поддерживал политику Александра III, направленную на борьбу с либерализмом. Обоснованию своей позиции он посвятил серию статей, в том числе: «Храм и церковь», «Чем и как либерализм наш вреден?», «Как надо понимать сближение с народом» и др.

Либерализм опасен для России, потому что с ним распространяется атеизм. Раскрывая содержание либерализма, Леонтьев обвинял его в «отрицании всех крайностей, боязни всего последовательного». Он трактовал либерализм слишком широко, включая в его рамки нигилистов и коммунаров (имея в виду восстание в Париже в 1871 году). Либерализм, полагал он, проникая в российские государственные учреждения, подрывал силу и мощь государства, ослаблял законность и правопорядок, «усиливая, сперва, общее расслабление, а потом разнузданность»⁷³. Начиная с XVIII века, в Европе разнообразие, неравенство, национально-государственные различия сменяются однообразием и упрощением. «Везде одни и те же, более или менее демократизированные конституции. Везде германский рационализм, псевдобританская свобода (*испорченная французами*), французское равенство, итальянская распущенность, или испанский фанатизм... везде презрение к аскетизму, власти (не ко всякой, а к власти других), везде надежды слепые на земное счастье и земное полное равенство!»⁷⁴.

Логическим финалом либерализма Леонтьев видел социализм. Либерализм, слишком подвижный и эгалитарный строй, очень непрочный, поэтому, несмотря на все усилия консервативной реакции, он должен привести либо ко всеобщей катастрофе, либо к медленному, но глубокому перерождению человеческих обществ на совершенно новых, и отнюдь не либеральных, а, напротив, крайне стеснительных и принудительных социалистических или коммунистических началах. «Коммунизм в своих буйных стремлениях к идеалу неподвижного равновесия должен... привести постепенно, с одной стороны, к меньшей подвижности капитала и собственности, с другой – к новому юридическому нера-

⁷³ Там же. С. 271.

⁷⁴ Леонтьев К.Н. // Избр. – М., 1993. С. 84.

венству, к новым привилегиям, к стеснениям личной свободы и принудительным корпоративным группам, законам резко очерченным; вероятно даже к новым формам личного рабства или закрепощения». Для этого ему понадобится страх, нужна будет дисциплина, преданная покорность и привычка к повиновению (!)⁷⁵.

Критикуя либерализм как идейно-политическое течение, Леонтьев выступал с критикой и либерального курса правительства 1860–70-х годов. Он был противником тех нововведений в политике, которые, по его мнению, могли привести к насильственному социалистическому перевороту, возбуждению бедного населения против богатых, «новой пугачевщине». Разрушение, полагал он, – самое простое политическое действие, ошибочно надеясь, что еще можно остановить нарастающий кризис в российском обществе укреплением самодержавия.

3.5. Политический консерватизм конца XIX – начала XX вв.

Пожалуй, последней попыткой с позиций ортодоксального и реакционного подхода законсервировать отживший общественный строй старой России была деятельность на посту обер-прокурора Синода и социально-политические и правовые воззрения К.П. Победоносцева.

Оставаясь на позициях неограниченного самодержавия, он был противником не только идеи народовластия, но любого ограничения верховной власти монарха. «Ваше Величество, – писал он в письме Александру III 11 марта 1883 года, – стойте твердо на страже истины и не опустите того знамени единой власти, в которой единственный залог правды для России»⁷⁶. В статьях Победоносцева содержится критика парламентаризма. Это было не просто голословное отрицание новых политических институтов: в своих статьях, посвященных демократии, парламентаризму, выборности, он видел прежде всего угрозу социально-политическим устоям Российского государства, духовности и нравственности русского народа. «Парламент, – пишет он, – есть учреждение, служащее для удовлетворения личного честолюбия и тщеславия и личных интересов представителей»⁷⁷. Критикуя институт парламентаризма, Победоносцев обозначает действительно наиболее слабые его стороны. Например, он точно подмечает, что в процессе избирательной кампании «развивается и совершенствуется целое искусство играть инстинктами и страстями массы для того, чтобы достигнуть личных целей честолюбия и власти. Затем уже эта масса теряет всякое значение для

⁷⁵ Там же. С. 119.

⁷⁶ Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. – М., 1993. С. 367.

⁷⁷ Там же. С. 34.

выбранного ею представителя до тех пор, пока понадобится снова на нее действовать. Кроме того, в парламентаризме Победоносцев видел угрозу целостности России на том основании, что представленные в парламенте депутаты от какой-либо области или этнического образования будут отстаивать в первую очередь свои местные или национальные интересы, забывая об интересах государства как целого.

Перечисляя недостатки демократии и парламентаризма, Победоносцев смотрит на дело с позиций монархического общества, не учитывая того, что принцип парламентаризма не висит в воздухе, но в демократических обществах дополняется системой контролирующих друг друга властей, а также механизмами и каналами контроля общества за властью, ставящими пределы честолюбию и личным интересам. В таких государствах, как Россия, где институты взаимоуравновешивающих властей не сформированы, отсутствует развитое самоуправление и ответственное общество, надежды на справедливость и перемены связаны с личностями. «Власть как носительница правды нуждается более всего в людях твердой мысли, крепкого разума и правового слова... Только такие люди могут быть твердой опорой власти и верными ее руководителями. Счастлива власть, умеющая различать таких людей и ценить их по достоинству и неуклонно держаться их», – писал он в статье «Власть и начальство». Сам Константин Петрович, несмотря на славу реакционера, на службе являл собой пример честности, неподкупности, верности Отечеству.

Один из путей сохранения государства Победоносцев видел в укреплении православной веры и считал, что уберечь народ от невежества, от дикости нравов, от разврата, от губительной заразы нелепых возмутительных учений можно только посредством церкви и школы, связанной с церковью. Он выступал против отделения церкви от государства, настаивая на том, что на церкви лежит долг учительства и наставления, церковь призвана играть роль духовного и нравственного наставника народа. И действительно при непосредственном участии Победоносцева в России были открыты тысячи новых школ для народа.

Определенную лепту в теорию русского консерватизма последнего этапа внес Л. Тихомиров, который в противовес Победоносцеву считал, что укрепление самодержавия требует реформ: «Жизнь действительная не знает революции как творческого начала. Но она также не знает ни неподвижности, ни движения назад». Он упрекал консерваторов, что, отрицая бесплодный революционный прогресс, они не видят «необходимости движения вперед, то есть, тоже прогресса, но только в эволюционном смысле»⁷⁸. Это было по сути формирование нового консерватизма XX века, который признает ряд установок либерализма, но ему

⁷⁸ Тихомиров Л. Борьба века // Свободная мысль. 1993. № 9.

уже не суждено было доразвиться. Тихомиров сконцентрировал свои усилия на критике либералов, которые обвинялись в революционизировании русского общества: их влияние огромно для выработки революционеров» и «ничтожно, когда их нужно сдержать».

Кроме того, им были высказаны ряд идей, не понадобившихся консерваторам, но очень пригодившихся тоталитарным режимам XX века, подмявшим под себя все от науки, культуры, искусства до сугубо личной жизни своих граждан. «Все, что мы ни возьмем, – утверждал Л. Тихомиров, – власть ли, политическую организацию, экономическую, условия ли воспитания личности в семье и религиозных учреждениях, все это получает возможность благотворно действовать только тогда, когда складывается в стройную систему, пропитывающую общество от мелких его ячеек до центра. Как много нужно для существования, например, монархии, какой ряд традиций, вырабатывающихся от долгого совместного действия монарха и народа, какие привычки в разных классах народа, какие тонкие способы взаимного понимания народа и власти»⁷⁹. Но главная его мысль состоит в том, что эти «традиции», «привычки» и «тонкие способы взаимопонимания» не только складываются стихийно, но и могут быть созданы путем вмешательства извне. Среди набора средств контроля за обществом ограниченная по числу членов элитарная тайная организация, созданная для противодействия враждебным самодержавию «партиям организованным». Она не должна иметь связи с правительством, дабы не дискредитировать себя и не связывать себе руки. Для влияния на широкие слои общества предлагалось создать «корпорацию людей пера», которая должна иметь свои организации, собираться на съезды и состоять из людей «твердой веры» и служить «не партиям и направлениям, а Государю и Отечеству, всей стране, всей нации». И, конечно же, логическим завершением этой системы являлась регламентация системы образования от церковно-приходских школ до университетов, подразумевавшая жесткую опеку и контроль за программами и составом преподавателей. И только так, путем долгого воспитания и «дрессировки», – считал Тихомиров, – можно избавиться от безбожной, антигосударственной российской интеллигенции, главного врага истинно русского государственного строя»⁸⁰.

Редактор консервативно-реакционного издания «Гражданин» князь В.П. Мещерский вынашивал идею во избежание «новой пугачевщины» наложить на крестьянство узду покрепче в виде «постоянной и строгой власти». В своей записке царю он развивал идею – отдать крестьянство целиком на усмотрение земских начальников, действующих под наблю-

⁷⁹ Тихомиров Л. Борьба века // Свободная мысль. 1993. № 9.

⁸⁰ См. подробнее: Шацилло К.Ф. Консерватизм на рубеже XIX–XX веков. – Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика... С. 388–389.

дением губернаторов. Анализируя эту записку, Ю.Б. Соловьев писал, что «вся она была проникнута реакционностью, позволявшей и в начале XX века мечтать как о чем-то реальном, реставрации чуть и не дореформенных порядков, по меньшей мере, превозносить их как утраченный идеал. Лозунгом по-прежнему было – назад, к николаевскому царствованию... Новое – враждебно, – внушал Мещерский царю. – Новому нельзя уступать ни шагу. Наоборот, нужно теснить его, насколько хватает сил»⁸¹.

3.6. Эволюция правого консерватизма: черносотенство

Нежелание видеть происходящие в обществе перемены, апелляция к самодержавию и ложно понимаемым народным традициям, недоверие к новому привели к кризису консервативную идеологию. Уже в ходе начавшейся революции ее представители продолжали выступать за неограниченную монархию, неделимую Россию, ведущую роль русской нации, православной религии и русского языка. Политизация общественной жизни потребовала иной организации, нежели элитарное «Русское собрание», объединявшее консервативно ориентированных деятелей науки, культуры, занимавшихся российскими древностями, охраной памятников, изучением славянских языков. В 1905 году деятельность самого «Русского собрания» выходит за рамки научных дискуссий, но параллельно создаются две партии: «Русская монархическая партия» и «Союз русских людей». Оставаясь замкнутыми аристократическими организациями и не имея шансов в избирательной борьбе, они, следуя логике революции, должны были «заговорить с улицей на понятном ей языке, создать массовую организацию»⁸². Результатом новой тактики стало появление крайне правых организаций, получивших название «черносотенцев», крупнейшей из которых стал «Союз русского народа», учрежденный в ноябре 1905 года в Петербурге. Председателем «Союза» был избран доктор медицины А.И. Дубровин, его товарищем (заместителем) стал бессарабский помещик, бывший чиновник по ведомству внутренних дел В.М. Пуришкевич. Социальная база «Союза» была расширена за счет части купечества, боявшейся перемен и возможных новых конкурентов, а также священнослужителей, при том, что ни среди высших иерархов, ни среди рядового духовенства не было однозначного к нему отношения.

⁸¹ Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. – М., 1973. С. 70.

⁸² Степанов С.А. Черносотенцы: «революционеры наизнанку» // Полиис. 1993. С. 154.

В период между революциями организация сменила несколько вариантов программы, стремясь соединить защиту своих исконных ценностей с реальностями изменившейся России, защиту самодержавия и жесткое неприятие парламентаризма с вынужденным участием во всех кампаниях по выборам в Государственную думу; защиту интересов помещиков с лозунгами, рассчитанными на привлечение крестьян в соответствии с которыми инородцы не должны иметь права на землю в русском государстве. Требование сохранения и упорядочения монархического строя и сохранения исторических сословий, предполагавших консервацию феодальных порядков, черносотенцы сочетали с неприкосновенностью института частной собственности, признавали свободу предпринимательства, но «истинно русского».

Использование популистских методов принесло свои плоды, были созданы многочисленные филиалы для работы с определенными категориями населения «патриотические общества молодежи», «общества русских женщин», «Союз русских рабочих» и т.д. Официальным печатным органом стала ежедневная петербургская газета «Русское знамя», рассчитанная на самую невзыскательную публику, аналогичные издания под разными названиями возникли в других городах. К концу 1907 г. «Союз» располагал 2124 отделениями в 66 губерниях и областях и насчитывал около 350 тыс. членов⁸³. Черносотенцы открыли свои отделы на заводах и фабриках промышленных центров (Путиловском заводе в Петербурге, промышленные предприятия Екатеринославля, ярославской текстильной фабрик), были созданы одесские артели грузчиков, в которые принимались только члены «Союза»; «Русское общество пароходства и торговли» монополизировало работу в порту.

Идеология великодержавного шовинизма находила отклик в части населения страны, но методы, применяемые черносотенцами в политической борьбе, террористические акции с участием так называемых боевых дружин, неуважение к закону, вызвав волну скандалов и разоблачений, дискредитировали руководство и привели к расколу самого движения. Последовавшие революции уничтожили институты и ценности, которые защищали консервативные силы, выбросив их за пределы России.

Контрольные вопросы

1. Каковы концептуальные и политические особенности российского консерватизма?
2. Что позволяет выявить трехосевая классификация консерватизма А.С. Карцова?

⁸³ См. подробнее: Степанов С.А. Указ соч.

3. Какое влияние оказала на формирование российской консервативной доктрины западноевропейская консервативная мысль?
4. Что объединяло и в чем расходились взгляды Н.М. Карамзина и А.С. Шишкова?
5. Какие позиции обосновывала национально государственная идеология С.С. Уварова?
6. Раскройте содержание концепции развития К. Леонтьева. В чем состоял его «византизм»?
7. Проанализируйте суть антилиберальной позиции П. Победоносцева.
8. В чем заключалась реакционность взглядов Л. Тихомирова и В. Мещерского?
9. Какая организация была создана в результате эволюции праворадикального консерватизма?

Тема 4

ИДЕОЛОГИИ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: «СМЕНОВЕХОСТВО» И «ЕВРАЗИЙСТВО»

4.1. Идеиный кризис политического сознания русской эмиграции

Общественно-политическая мысль послереволюционной России в лице добровольных и вынужденных эмигрантов была перенесена за ее пределы, где политически активная часть русского зарубежья продолжала предреволюционные партийные дискуссии. Однако теперь они велись уже с учетом последствий революционного кризиса, повлекшего приход новой власти, формировавшей принципиально иной тип государства. Партии и политические идеологии, потерпевшие поражение, переживали состояние кризиса. Кризис переживали как носители леволиберальной идеологии, на которую возлагалась главная ответственность за российскую катастрофу 1917 г., так и представители крайне правых и консервативных монархических партий и течений. В вину последним ставилось отсутствие сколько-нибудь прочных организаций и значимых фигур, неспособность объединить достаточное число сторонников до революции, ни теперь – эмиграцию на основе общей идеи возрождения национальной России.

Монархическая идеология, основанная на идеализации и реабилитации дореволюционного прошлого, полном неприятии революции, была достаточно сильна в эмигрантских кругах. Однако антидемократические взгляды, связанные с преувеличением роли государства и недооценкой права в жизни общества, находили выход в радикализме и экстремизме иного плана. «В среде изгнанников, разуверившихся в демократических принципах и институтах, не имевших к тому же возможности на опыте (он пришел позже) убедиться, что отказ от «формальной» демократии и правового государства ведет вовсе не к «истине Воскресенья», а к установлению тоталитарных режимов – пишет Н.А. Омельченко, – эти идеи находили многочисленных сторонников..., поддавшихся соблазнам «красного» и «черного» фашизма»⁸⁴. Итальянские фашисты, немецкие национал-социалисты и русские большевики привлекали прежде всего тем, что хотя и прибегали к открытому насилию, террору, но способствовали, казалось, возрождению национального величия их государств.

⁸⁴ Омельченко Н.А. Политическая мысль русского зарубежья. Очерки истории (1920 – начало 1930-х годов). – М., 1997. С. 48.

Немало последователей имела мировоззренческая позиция, условно называвшаяся «веховской»⁸⁵. Ее сторонники, находясь в оппозиции к царизму, решительно осуждали максимализм и революционный утопизм русского образованного общества. Не будучи услышаны радикальной интеллигенцией дореволюционной России, они возложили на нее ответственность за анархическое развитие событий, обвинив в «противогосударственности», «безрелигиозности» и «космополитизме». В их идеологическом багаже уживались идеи либерализма, патриотизма, народоприветствия и традиционализма. Все они не уставали подчеркивать особое, непреходящее значение человеческой личности, от нравственного и идейного здоровья которой зависит прочность всех общественных форм. С отсутствием веры и подменой ее собственными авторитетами «безмерной рационалистической гордыни ничтожной кучки вожаков»⁸⁶ связывали они утрату духовных и моральных ориентиров наиболее радикальных представителей «интеллигентской культуры».

Последний из вышедших сборников, при очевидном разнообразии в понимании смысла и истоков русской трагедии, демонстрирует единство в оценке революции как «ни с чем не сравнимое морально-политическое крушение», постигшее народ и государство, являющееся одновременно» несчастьем и преступлением»⁸⁷, а также – в неприятии идеологии и практики большевизма, его стремления к насильственной переделке всех форм общественной жизни.

Опыт русской революции заставил представителей различных направлений пересмотреть прежние ценности и идеалы и перейти с не оправдавших себя буржуазно-либеральных и консервативно-монархических позиций на позиции политического реализма.

⁸⁵ Идейно-политическая позиция, получившая свое название по заголовку одного из трех сборников («Проблемы идеализма» – 1902 г.; «Вехи» – 1909 г.; «Из глубины» – 1918 г.), изданных группой талантливых авторов-мыслителей, шедших каждый своим путем и расходящихся нередко, как по «основным вопросам веры», так и по вопросам практической реализации идеологических установок. Термин введен политическими противниками из левого лагеря в процессе полемики по оценке революции как способа решения назревших в России проблем и роли интеллигенции. Среди сторонников данного идеологического направления, участвовавших во всех трех сборниках, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.Б. Струве, С.Л. Франк. В двух сборниках участвовали С.А. Аскольдов, П.И. Новгородцев, А.С. Аскольдов, Б.А. Кистяковский.

⁸⁶ Струве Б.П. Исторический смысл русской революции и наши задачи: В кн. «Вехи. Из глубины». – М., 1991. С. 467.

⁸⁷ Вехи. Из глубины. – М., 1991. С. 209.

4.2. Национально-патриотическая идея сменовеховцев

В эмиграции оформились новые направления общественно-политической мысли, возникшие за рамками исторически сложившегося российского политического спектра и стремившиеся найти некий «третий» путь развития и возрождения России. Наиболее значительными были «сменовеховство» и «евразийство». Особенностью идеологии сменовеховства была переоценка революции и требование пересмотра отношения эмиграции к советской власти, признание фактического и юридического ее существования и возможности осуществления с ней диалога и политического компромисса. Такая позиция объяснялась переживанием за судьбу России и пониманием того, что «нет такой силы, которая могла бы прийти на смену теперешнему режиму, разломав все сделанное им, и которая вместе с тем могла бы сама что-то осуществить и что-то хорошее сделать». Эти мысли из письма в берлинскую редакцию журнала «Русская книга» Ю.В. Ключникова – крупного юриста-международника, занимавшего пост министра иностранных дел в правительстве Колчака и бывшего одним из авторов сборника «Смена вех», были характерны для значительной части русской интеллигенции в 20-е годы. Борьба с революцией «по рецептам Керенского, или Милюкова, или Струве», – полагал он, – значит «играть на руку самой дьявольской анархии», а «срывы» Советской России были лишь во вред России»⁸⁸.

Но, поставив во главу угла идею возрождения «единой и великой России», сменовеховцы готовы были простить тиранической власти все ее жестокости и преступления, поскольку не видели иной, кроме большевиков, реальной силы, способной осуществить эту первостепенную задачу. Именно в рамках этого движения оформилось определенное общественно-политическое направление, названное П.Б. Струве «национал-большевизмом». Суть его позиции Н.В. Устрялов – бывший кадет, бывший советник генерала Колчака, один из идейных вождей и основателей движения – выразил на страницах сборника «Смена вех», вышедшего в Праге в 1921 году: «Россия должна остаться великой державой, великим государством... И так как власть революции и теперь только она одна – способна восстановить русское великодержавие, международный престиж России, – наш долг во имя русской культуры признать ее политический авторитет... Советская власть будет стремиться всеми средствами к воссоединению окраин с центром во имя идеи мировой революции. Русские патриоты будут бороться за то же – во имя великой

⁸⁸ Цит. по: Вячеслав Костиков. Не будем проклинать изгнанье.... Пути и судьбы русской эмиграции. – М., 1990. С. 102.

и единой России. При всем бесконечном различии идеологий – практический путь – един»⁸⁹.

Выродившийся абсолютизм и разогнанное Учредительное собрание продемонстрировали свою несостоятельность царизма и неприемлемость западноевропейского «теоретического демократизма» к условиям России. И если в создавшихся условиях остановить анархию и помешать распаду России может только диктатура большевиков, то она оправдана. «Великие эпохи, – скажет позже Н.В. Устрялов, – далеки от правового понимания жизни», пусть деспотизм, пусть суровость, «лишь бы вожжи не были выпущены из рук»⁹⁰. Как любое политическое движение, сменовеховство не было идейно единым, как и различной была степень признания большевизма представителями этого течения. Со временем обозначилось два крыла. Правое группировалось вокруг Устрялова и выражало свои позиции в издаваемых в Харбине альманахах «Русская жизнь» и газете «Новости жизни». Левое, сложившееся вокруг журнала «Смена вех», выходившего под редакцией Ю.В. Ключникова в Париже и, собственно, выдвинувшего программу примирения с большевистской революцией. Затем (с марта 1922 г.) – вокруг газеты «Накануне», которая издавалась в Берлине под редакцией Ю.В. Ключникова и Г.Л. Кирдецова до июня 1924 года.

Однако новое течение оказалось недолговечным, оно не оправдало ожиданий своих идейных сторонников, связанных с надеждами на временность большевистской власти, на ее эволюцию, одновременно раздражая последнюю фактом своего существования. Подорванное изнутри, не выработавшее единой идеологии и политической программы, сменовеховство не нашло широкой поддержки в изгнании и не без помощи российских спецслужб к середине 20-х годов прекратило свое существование.

4.3. «Евразийство»

Более глубокие корни, а также более содержательную и оригинальную мировоззренческую концепцию имело идеологическое направление общественно-политической жизни эмиграции, называвшее себя евразийством. Евразийство «противополагало» западноевропейскому миру Россию как страну «евразийскую», с присущими только ей особыми чертами культуры и государственности. «Евразийцы, – писал один из идеологов этого идейного направления, географ, экономист, геополитик П.Н. Савицкий, – это представители нового начала в мышлении и жиз-

⁸⁹ Устрялов Н.В. *Patriotica*. Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. 4. С. 773.

⁹⁰ Цит. по: Омельченко Н.А. Указ соч. С. 77.

ни, это группа деятелей, работающих на основе нового отношения к коренным, определяющим жизнь вопросам, отношения, вытекающего из всего, что пережито за последнее десятилетие, над радикальным преобразованием господствовавших доселе мировоззрения и жизненного строя. В то же время евразийцы дают новое географическое и историческое понимание России и всего того мира, который они именуют российским или «евразийским»⁹¹.

Евразийцы стояли на позициях *отрицания идеи универсального прогресса*, а также огульного разделения народов на общности культурные и некультурные.

К этому течению относилась целая плеяда ярких и талантливых литераторов, философов, историков, публицистов, экономистов, впервые громко заявивших о себе в начале 20-х годов в лице группы русских интеллектуалов, оказавшихся в эмиграции, среди которых Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Флоровский. Сначала в Софии, затем в Берлине и Праге вышло подряд несколько сборников с характерными заглавиями: «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (1921), «На путях. Утверждение евразийцев» (1922), «Россия и латинство» (1923). Позже к движению примкнули еще несколько видных представителей зарубежья – философ Л.П. Карсавин, историк Г.В. Вернадский, юрист и философ права Н.Н. Алексеев и некоторые другие. основополагающие идеи их мировоззрения начали складываться не в Софии и не в Берлине, а в России еще до революции. Этот «предъевразийский период» связан с дореволюционными научными изысканиями Г. Вернадского, Л. Карсавина, Н. Трубецкого.

С 1925 г. главным центром была Прага, где работал специальный семинар, на котором обсуждались основные вопросы движения и благодаря которому оно приобрело значительную известность, особенно среди студенческой молодежи. Этому способствовала широкая публицистическая и издательская деятельность. С середины 20-х гг. до 1937 г. вышло 12 номеров «Евразийской хроники». Кроме этого периодического издания выходили неперiodические сборники: «Евразийский временник», «Евразийский вестник» и пр. Другим центром евразийства стал Париж, где с 1926 г. издавалась «Евразийская хроника», а в основном в 1925 г. Н.А. Бердяевым, православном богословском институте преподавали историк Г.А. Флоровский, бывший ректор Петроградского университета Л.П. Карсавин, философ В.Н. Ильин. Группы сторонников евразийства работали в Брюсселе и Варшаве, Белграде и Лондоне, в балтийских столицах. Значительный резонанс, который вызывала идеология евразийства в общественных и политических кругах ряда

⁹¹ Савицкий П.Н. Евразийство // Русский узел евразийства: Сб. тр. евразийцев. – М., 1997. С. 76.

стран Западной Европы, Америки, позволяет исследователям говорить о евразийстве не только как о факторе общественно-политической жизни русской эмиграции, но и в определенной мере международной жизни.

Основанное талантливыми, но очень разными по темпераменту и научным интересам публицистами и учеными евразийство никогда не было внутренне единым течением. Как образно выразился профессор Омельченко, оно «представляло собой содружество людей, глядящих в разные стороны при общности чувств и настроений»⁹². В приведенной им выдержке из письма к П.Б. Струве П.Н. Савицкого, последний говорит, что пятью авторами первого евразийского сборника «Исход к Востоку» было представлено, по крайней мере, три существенно различных политических направления (от национал-большевизма Савицкого до правоверного антибольшевизма Флоровского). Даже общее для всех евразийцев критическое отношение к Западу было весьма различно для каждого из них в отдельности. Для некоторых же, например для Г.В. Флоровского, рано порвавшего с евразийством, оно с самого начала, по свидетельству современников, было преисполнено скорее любовью к своему, чем ненавистью к чужому.

Новое движение сразу привлекло к себе внимание эмигрантской общественности благодаря остро полемическому, подчас нарочито задиристому тону и смелости, с которыми евразийцы обрушивались на многие «правые» и «левые» стереотипы мышления, стремясь найти некий «третий» путь развития и возрождения России. Отголоски старых споров, занимавших сознание интеллектуальной элиты в XIX веке о месте России в контексте мировой истории, соединялись в нем со стремлением сформулировать и разрешить проблемы, рожденные революционными событиями века двадцатого. И главная проблема – оценка самой революции: свидетельство ли это «провала» всего российского пути, разрушившего государственность и культуру, или эта революция – «судьба» России, проявляющая таким образом «избранность нации» на фоне материального и духовного кризиса Запада?

Заслугой движения было последовательное отстаивание вывода об особости, уникальности русской нации, критическое отношение к европоцентристской, однолинейной схеме общественного прогресса, убеждение в многообразии форм социальной организации человечества. Вслед за Н.Я. Данилевским, которого евразийцы считали своим духовным предшественником, они настойчиво возражали против сведения богатства явлений человеческой истории к господству одного культурно-исторического типа, подчеркивали опасность денационализации культуры. «Евразийская концепция, – пишет Н.В. Савицкий, – знамени-

⁹² Омельченко Н.А. Политическая мысль русского зарубежья. Очерки истории (1920 – начало 30-х годов). – М., 1997. С. 81.

ет собою решительный отказ от культурно-исторического «европоцентризма»... отрицание *универсалистского* восприятия культуры, которое господствует в новейших европейских понятиях» и «побуждает европейцев огульно квалифицировать одни народы как «культурные», а другие как «некультурные»⁹³. Рассматривая себя в роли «осознателей» и выразителей «культурно-исторического своеобразия России, евразийцы продолжают миссианскую традицию славянофилов. «Евразийство, – пишет в статье «Мы и другие» Н.С. Трубецкой, – призывает все народы мира освободиться от влияния романо-германской культуры и вновь вступить на путь выработки своих национальных культур»⁹⁴. Задачи, стоящие перед Россией: «Духовно отмежеваться от Европы, сбросить с себя иностранное иго и осуществить свою новую миссию – освобождение мира от власти романо-германских хищников»⁹⁵. Признавая ценность прошлого и настоящего западноевропейской культуры, будущее России они видели вне ее контекста. «С трепетной радостью, с дрожью боязни предаться опустошающей гордыне, – мы чувствуем вместе с Герценом, – говорилось в первом евразийском коллективном манифесте 1921 года, – что ныне «история толкается именно в наши ворота». Толкается не для того, чтобы породить какое-либо зоологическое наше «самоопределение», но для того, чтобы в великом подвиге труда и свершения Россия так же раскрыла миру некую общечеловеческую правду, как раскрывали ее величайшие»⁹⁶.

Одна из основополагающих концепций евразийства – концепция русской революции, объединившая исходные теоретические установки с практическими социально-политическими позициями. В оценках причин ее породивших, смысла и перспектив просматриваются подходы историсофских, культурных, этических и социальных установок формирующегося идеологического направления.

Исходным и общим для всех является вывод о чужеродности, «не русской сущности» происшедшего в России революционного переворота. «Коммунистический шабаш», по определению П.Н. Савицкого, наступил в России как завершение более чем двухсотлетнего периода «европеизации»⁹⁷.

⁹³ Савицкий П.Н. Евразийство // Россия между Европой и Азией: Европейский соблазн. Антология. – М., 1993. С. 83.

⁹⁴ Трубецкой Н.С. Мы и другие // Россия между Европой и Азией: Европейский соблазн. Антология. – М., 1993. С. 87.

⁹⁵ Трубецкой Н.С. Русская проблема // Россия между Европой и Азией: Европейский соблазн. Антология. – М., 1993. С. 49.

⁹⁶ Предчувствия и свершения (предисловие к сборнику «Исход к Востоку»). Основы Евразийства. – М., 2002. С. 103.

⁹⁷ Савицкий П.Н. Евразийство // Россия между Европой и Азией: Европейский соблазн. Антология. – М., 1993. С. 87.

Процесс вырождения и саморазложения правящего слоя, получивший в соответствии с концепцией Л.П. Карсавина свое завершение в ходе революции, стал следствием некритического увлечения европейскими идеями XVIII–XIX вв. Дореволюционная власть, ориентируясь на «чужое и враждебное», неудержимо стремясь «по пути денационализации и европеизации», утратила непосредственно-живую связь с «народом, культурой и современностью». Русское самодержавие потеряло свой «смысл, императивность и даже стиль», что в конечном итоге и привело к его окончательному вырождению в революции, а русский народ-богоносец превратило в народ-богоборец, поддавшийся ожесточенному, возможно, бессознательному порыву «скинуть с себя чужие и чуждые формы и привилегии не своей культуры, а также и религиозное стремление найти свою правду общественно-государственного бытия. Однако «социализм настолько использовал в своих интересах эту русскую настроенность, что придал конкретным проявлениям ее лживые и уродливые формы». Отечественный большевизм – детище, родившееся от скрещения русской революции и коммунистической идеи. Последняя – тоже порождение западной культуры, влиянием которой оказалась поражена радикально-демократическая интеллигенция, в начале века почти безраздельно владевшая прессой и общественным мнением⁹⁸.

На первой фазе революции «вырождение и гибель» старого правящего слоя – результат его *саморазложения*, сопровождающегося исчезновением у него *воли к власти*, что выражается в «непонимании действительных нужд и задач государства» и «утрате пафоса власти».

Первая фаза революции «с необходимостью переходит во вторую – в период так называемой анархии. Исчезают, саморазлагаясь, историческая власть и правящий слой, поскольку он в самой анархии не перерождается в новый или не сливается с ним. Но за всем этим протекает бурный и творческий процесс – активное стремление государственной стихии себя осуществить, искание нового правящего слоя и новой власти, болезненное и медленное их нарождение.

Погибнув в центре, старая государственность пыталась воссоздать себя на окраинах, что было ни чем иным, как завершением того процесса окончательной гибели старой власти: во главе новообразований встали те же политики, бюрократы, генералы, отличавшиеся только «меньшим образованием, неизвестностью и несерьезностью своих фамилий»⁹⁹. Но, как заметил Карсавин, в завершающемся на окраинах разложении старой государственности, в эгоизме новообразований живет идея цело-

⁹⁸ Карсавин Л.П. Феноменология революции // Россия между Европой и Азией: Европейский соблазн. Антология. – М., 1993. С. 138–201.

⁹⁹ Там же. С. 164.

го, идея государства, в основании которой «здоровый инстинкт масс», требующих совмещения «большого целого» с некоторой самостоятельностью своих местных органов. Выход для России он видел в федеративном строе. Этого не поняли лидеры белого движения, воодушевлявшиеся идеей единства России, за которой виделись лишь старые отжившие формы. Скорее интуитивно, чем осознанно, но большевики смогли воплотить в форму федеративного государства обе тенденции: патриотическую по сути «мечту о социалистическом пролетарском, рабоче-крестьянском государстве» и «то, что *всякий признает себя властью и считает себя ее носителем*»¹⁰⁰.

Так на фоне анархии, которую Л. Карсавин определил как «панархию» и которая на сегодняшнем языке называется «парадом суверенитетов», идет подспудный поиск средств сохранения этнической и государственной целостности страны. Революция переходит в третью фазу, предполагающую создание жесткой тиранической партии, руководимой революционными идеологами – «насильниками, честолюбцами и фанатиками («ворами» по терминологии Московской Руси XVI–XVII вв.), придание этой партии правящего статуса и скрещение ее с воссоздающимся государственным аппаратом. Четвертая фаза – затухание революции: «На место воров-идеологов приходят просто воры». Партийная организация разлагается, новые правители заботятся только о себе и наворованном добре, только из чувства самосохранения выполняя государственные задачи. Таким образом, встает последняя проблема революции. *«Народ должен найти свое настоящее правительство»*, которое бы в тесной связи с правящим слоем взяло в свои руки выпадающую из рук его главарей власть и, покончив с революционным доктринерством, осмыслило новую государственность». Новая национально-государственная идеология возобновляет связь с прошлым и возвращает народ на его историческую дорогу, с которой он сошел в эпоху революции, иногда же и задолго до нее»¹⁰¹.

Историческое возрождение России должно происходить не через новый социальный взрыв, а на базе советского строя, но путем его тщательно продуманного улучшения. Неотъемлемым условием должен стать отказ от всякого атеизма во всех его формах и в том числе наиболее опасной – «воинствующего экономизма». Основная проблема, по словам П.Н. Савицкого, «проблема сочетания религиозного отношения к жизни и миру с величайшей, эмпирически обоснованной практичностью», т.к. евразийцы по сути своей «отстаиватели религиозного начала и последовательной эмпирики», из фактов рождается их идеология, но

¹⁰⁰ Карсавин Л.П. Феноменология революции // Россия между Европой и Азией: Европейский соблазн. Антология. – М., 1993. С. 171.

¹⁰¹ Там же. С. 189.

«недостаточно понимать факты – ими необходимо управлять в пластическом процессе истории»¹⁰².

Черты будущей формы правления, названной *идеократией*, не сразу обрели в евразийстве более-менее четкие очертания, хотя изначально было обозначено, что она не должна оставаться ни монархией, в силу исторической обреченности этой утратившей связи с народом формы правления, ни демократия в силу ее исторической чужеродности, псевдонационального характера. Наиболее органичный для России государственный строй должен был вобрать в себя лучшие черты монархии (авторитарность и силу, не переходящие в тоталитарность) и демократии, но не формальное, а реальное участие народных масс в государственном строительстве. Смысл вообще состоял не в форме правления, а в типе отбора правящего слоя, который бы позволил выдвинуться самым творческим и талантливым людям, для которых любые государственные и хозяйственные программы являлись бы не самоцелью, но явлением, подчиненным духовно-патриотическим началам.

Идеократия есть одновременно сильная и чрезвычайно близко стоящая к населению власть, наилучшим образом сочетающая «народный суверенитет с началом народоводительства». Народом идейно и культурно руководит выражающая его волю инициативная часть – «*демократический правящий слой*», формируемый путем отбора из народа, связанный с ним одной идеологией, а потому способный выражать его подлинные интересы. Политическая воля правящего слоя снизу контролируется законодательно представленной в органах управления народной волей, а сверху – добровольно принятыми идеями и ценностями патриотического и религиозно-духовного характера. Само общество в евразийской концепции идеократии не аморфная масса, управляемая безликим коллективом. Необходимость воспитания в народе правосознания и завершения процесса превращения «индивидуализированного бунтовщика», совершившего революцию в правовую самоорганизующуюся личность, и предъявляло высокие требования к руководящей личности как фактору, способствующему организации созидательных сил людских масс. Возрастала роль яркой одаренной импульсом государственности личности.

Концепция государства в евразийстве уходила своими корнями в традиционалистские представления о государстве как единой душе, единой ткани. В понимании государства как живого организма, который «творится *внутренно, душевно и духовно*» они были близки И. Ильину, полагавшему «первой аксиомой политики» тот факт, что «*право и государство возникают из внутреннего, духовного мира человека, создаются именно для духа и осуществляются через посредство правосознания*»¹⁰³.

¹⁰² Сувчинский П.Н. «Евразийство» – русский узел евразийства... С. 91–92.

¹⁰³ Ильин И.А. Путь духовного обновления // Соч.: В 2 т. – М., 1994. Т. 2.

Государство есть «*организованное общение людей, связанных между собою духовной солидарностью и признающих эту солидарность не только умом, но поддерживающих ее силою патриотической любви, жертвенной волей, достойными и мужественными поступками...*». Принудить человека к любви и к духовности нельзя; но в нем можно и должно *воспитывать* истинный патриотизм, национализм, солидарность, задачей государства является создание условий отбора лучших людей. Целью такой работы должно стать выращивание своей особой, индивидуальной государственной формы и конституции, избегая слепого подражания и механического заимствования, а также двух крайних подходов: «все сверху» и «все снизу». Тот, кто попытается сделать все «сверху», убьет творческую самостоятельность своего народа, отвратит его от себя, ожесточит его, изолирует себя, захлебнется в сетях формальной и продажной бюрократии и подорвет жизненную силу своего государства. Тот же, кто попытается строить все снизу, разложит государство на систему маленьких и бессильных общинок, сделает невозможным единение и правопорядок, даст преобладание «дурному количеству над творческим качеством», захлебнется в волнах демагогии и смуты и очнется под пятой у тирана.

В цикле работ, написанных позже Ильиным, была более детально разработана концепция российской власти как единственно возможной для будущего позитивного развития России и соответствующая всему строю народного сознания, сущность которой в статье 1921 года «Основные задачи правоправления в России» он выразил в формуле «*национально-государственно-воспитывающая диктатура*». «Пройдут годы, – писал Ильин, – годы национального опаматования, оседания, успокоения, уразумения, восстановления элементарного правосознания, возврата к частной собственности, к началам чести и честности, к личной ответственности и лояльности, к чувству собственного достоинства, к неподкупности и самостоятельной мысли, – прежде чем русский народ будет в состоянии произвести **осмысленные и непогибельные политические выборы**. А до тех пор его может повести только **национальная, патриотическая, отнюдь не тоталитарная, но авторитарная – воспитывающая и возрождающая – диктатура**»¹⁰⁴.

Но смысловая нагрузка при таком подходе приходилась не на форму правления, а на ее качественное содержание, а еще точнее – на качество личностей, осуществляющих миссию управления.

Евразийская идеократия – «идеальное государство» Платона, в котором философствующая элита осуществляет нравственно-политическое реформирование общества в соответствии с проектом, включающим представления правящей элиты о благе государства и народа, которое действительно возможно лишь в условиях режима диктатуры, так как

¹⁰⁴ Ильин И.А. О грядущей России // Избр. ст. – М., 1996.

очищение общества от всего, не укладывающегося в проект, требует насилия. Идеократическая техника управления, как показывает историческая практика – чистки, насилие над человеком, террор, осуществляемый во всех сферах жизни общества. Идеократия независимо от целей, которые она перед собой ставит, может быть только тоталитарной. Это хорошо понял Н. Бердяев, который писал в 1927 году по поводу публикации программного документа евразийского движения: «Государство охватывает все сферы жизни и совершенное государство окончательно должно захватить все сферы жизни, организовать всю жизнь, не оставив места для свободного общества и свободной личности. Это и есть принципиальный монизм, который ведет к абсолютизации государства, к пониманию государства как земного воплощения истины, истинной идеологии. Евразийцы называют это... *идеократией*. Идеократия есть господство подобранного правящего слоя, который является носителем истинной идеологии, государственной идеологии. Формально это очень походит на коммунизм»¹⁰⁵. Поэтому евразийцы говорили не об уничтожении коммунистического режима в России, а о его преобразовании или «социализации». Принимая советский строй в качестве базы дальнейшего развития, евразийцы предполагали ввести в него «начала религиозности», «лично-хозяйственные» отношения некапиталистические по своей сущности, «начала социальности», утраченные последним, и сознание евразийского «своеобразия России-Евразии как особого мира и отвержения господствовавшего доселе западопоклонничества»¹⁰⁶.

Однако, как заметил один из основоположников евразийства Г.В. Флоровский, вопреки их заклятий против европейских наваждений, они были последовательными гегельянцами в признании «разумности действительного» и «действительности разумного». Признавая непогрешимость истории, они принимали ее свершения и, в частности, русскую революцию. Зло, творимое большевиками по их представлению, заключено в ложности сатанинской идеи коммунизма, которой нужно противопоставить «соравную» ей по размаху «идею-правительницу», чтобы преодолеть это зло и сделать действительность разумной. Православно-евразийская идеология должна была заменить коммунизм и вернуть Россию на путь ее истинного развития.

Флоровский не принял иллюзии евразийцев. «Соравная» коммунизму православно-евразийская идея, считал он, также ведет Россию в «бездну отпадения». «Судьба евразийства – история духовной неудачи. Нельзя замалчивать евразийскую правду. Но нужно сразу и прямо сказать, это – **правда вопросов**, не правда ответов, правда проблем, а не

¹⁰⁵ Бердяев Н.А. Утопический этатизм евразийцев. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. – М., 1993. С. 302.

¹⁰⁶ Там же. С. 220.

решений /.../. Евразийцам первым удалось /.../ слышать живые и острые вопросы творимого дня. Справиться с ними, четко на них ответить они не сумели и не смогли. Ответили призрачным кружевом соблазнительных грез /.../. В евразийских грезах малая правда сочетается с большим обманом... Евразийство не удалось. Вместо пути предложили тупик»¹⁰⁷.

Конечно же по сути евразийство не имело ничего общего с большевизмом, поэтому заигрывание с большевистской властью привело его, как и сменовеховцев, к гибели. Евразийство, являясь заметным культурно-идеологическим явлением 20–30-х годов XX столетия, как организованное движение давно уже перестало существовать, но его идеи, образы, подходы периодически возникают в культурном и политическом пространстве.

Большое распространение евразийские идеи получили сегодня в политике, политологии и публицистике России. Характерно, что их используют в своих программах общественно-политические движения и партии диаметрально противоположной ориентации от радикально-демократической до радикально-правой. В предисловии к изданному в 1997 году сборнику работ крупнейших представителей евразийской мысли первой трети прошлого века С. Ключников выявляет в современной общественно-политической мысли несколько вариантов евразийской идеологии различных оттенков¹⁰⁸. Он выделяет либеральное евразийство, черпающее свое вдохновение в утопических идеях позднего А. Сахарова и конкретных геополитических проектах Н. Назарбаева; евразийство неокommунистического толка; «континентальный евразийский изотеризм», политические идеалы которого близки идеалам бельгийского геополитика Жана Тириара и представленные в России А. Дугиным и В. Штепой; евразийство исламского толка, видящего в исламе последний шанс для России. Все это, как отмечает Ключников, достаточно далеко от того, что задумывалось П. Савицким, Л. Карсавиным и Н. Трубецким, хотя среди перечисленных модификаций евразийской идеологии встречается немало интересных и плодотворных направлений. В том числе попытка современных русских «новых правых» раскрыть метафизическое измерение евразийства и постичь его сакральные исторические, географические и духовные корни, которую в значительной степени «портит» подчеркнутое «тевтонство» и апологетика ряда мыслителей, близких идеям Третьего Рейха.

¹⁰⁷ Цит. по: Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории. – М., 1997. С. 289.

¹⁰⁸ См. Ключников С. Восточная ориентация русской культуры. Русский Узел евразийства. С. 66.

Контрольные вопросы

1. Какие принципы отстаивали сторонники позиции, условно названной «веховской» до и после революции?
2. Какие направления общественно-политической мысли оформились в эмиграции?
3. Какие идеи сформировали «сменовеховцы» и чем определялась слабость их позиции?
4. Назовите имена ученых и политических деятелей, входивших в состав евразийского движения?
5. Изложите основные положения концепции «вырождения русской власти» Л.П. Карсавина.
6. Что представляла собой «идеократия» как организация общества и власти?
7. В чем заключался смысл критики Г.В. Флоровским взглядов евразийцев?

Тема 5 ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ СПЕКТР СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

5.1. Современное российское общество. Кризис идентичности

В последнее десятилетие прошлого века крах институтов социализма и союзного государства вместе с распадом присущих им идейных и ценностных факторов, скреплявших общество, привел к тому, что в научной литературе получило название «кризиса идентичности». Институционально-политический контекст, в котором существовал «советский народ», не существует, а новый – не сложился как целостность. Народ (часть бывшего советского народа) перестал быть в полном смысле «народом», превратившись в население, агрегат этнических, конфессиональных, экономических, политических и иных групп. Российский социум утратил государственную идеологию как общую идею, очерчивающую цели и смыслы, но это не привело к более-менее устойчивой идейно-политической дифференциации.

Прежняя экономическая система, социальная структура общества, его политическая организация разрушены. Новая политическая организация, сформированная «сверху», более-менее очерчена институционально. Что касается механизмов ее функционирования и сущности политического процесса, они не демонстрируют общепринятого соответствия характеру институтов, на основе которых осуществляются. Социальная структура современного российского общества отражает начальный этап становления новых экономических отношений с характерной резкой поляризацией, неразвитостью так называемых «средних слоев» и преобладанием маргинальных групп. Соответствует такому положению дел и характер общественного сознания, также не структурированного в силу отсутствия стабильных социальных слоев. В обществе с несложившейся социально-экономической структурой идейно-политическая дифференциация может, как полагают специалисты, осуществляться на основе определенного отношения различных групп людей к существующей институциональной системе и стратегическим приоритетам действующей в этой системе политической власти. Более или менее понимаемые общественным сознанием институциональная система и реальные варианты ее политической практики становятся той «отправной точкой», без которой идейно-политическая дифференциация невозможна¹⁰⁹.

¹⁰⁹ Дилигенский Г. Дифференциация или фрагментация? (О политическом сознании России) // МЭ и МО. 1999. № 9. С. 65.

Но именно эта точка отсчета отсутствовала или была крайне слабо выражена в российском обществе как в начальный период институционально неопределенной либеральной демократии эпохи Б. Ельцина, получившей у политологов название «выборного самодержавия», так и в «режиме – гибриде», сформированном В. Путиным, в котором сочетаются «элементы и демократии, и авторитаризма, и самодержавия, и черты олигархического государства, nepoтизм и фаворитизм, характерные для султанистских режимов»¹¹⁰.

Сложившийся в России конституционный порядок по своим формальным признакам более или менее аналогичен тому, который существует в странах представительной демократии. Однако и это является следствием незавершенности процесса преобразования и стабилизации системы, политические процессы идут не через эти институты, а помимо них. В 90-е годы XX столетия через «систему нелегитимных, криминальных форм хозяйственной и государственно-управленческой деятельности... неформальных связей государственных и окологосударственных органов с криминальным миром, своего рода государственно-уголовный паритет»¹¹¹. В такой системе государственная власть не выполняет своих функций, особенно правоохранительной, отсутствует реальное разделение властей: законодательной и исполнительной, центральной и региональной. Отсутствует и сколько-нибудь последовательная политическая стратегия государства.

Более рациональное поведение второго президента не изменило единовластия одного лица, подменяющего собой институты. Акцент по-прежнему делается «не на институты и формальные правила игры, а на его личное влияние как на последнюю и решающую инстанцию, а значит, сохраняется и персонифицированный характер самого властвования»¹¹². Обвинения, высказанные в адрес предшественников, в том, что они «двигались как бы оцупью, наугад, не имея четких представлений об общенациональных целях и рубежах, которые обеспечат России положения высокоразвитой, процветающей и великой страны мира»¹¹³, не повлекли за собой создания обещанной «долгосрочной общенациональной стратегии», которая необходима для достижения общественной консолидации» по таким коренным вопросам как ценности, рубежи согласия, которые желательны и привлекательны для подавляющего

¹¹⁰ Шевцова Л. Логика выборного самодержавия // Свободная мысль XXI. 2001. № 4. С. 26.

¹¹¹ Радаев В.В. Некоторые институциональные условия формирования российских рынков // Социологический журнал. 1998. № 3. С. 84.

¹¹² Там же. С. 27.

¹¹³ Путин В. Открытое письмо российским избирателям // Независимая газета. 2000. 25 февраля.

большинства россиян»¹¹⁴. Продолжая, по существу, под давлением правых сил курс непопулярных либеральных реформ, В. Путин не акцентирует внимание на том, за какую Россию он выступает. Обозначение стратегической цели развития страны в виде прообраза нового общественного строя, приоритетов и ориентиров в практической деятельности по ее достижению обнажило бы истинные интересы и намерения правящего режима. Это неизбежно оттолкнуло бы от него многих из тех, кто его поддерживал.

Хотя экономическая политика остается по-прежнему откровенно антинародной, социальный комплекс прав и гарантий отсутствует, власти удается дезориентировать общество кампаниями борьбы с олигархами, с коррупцией чиновников, правительством, якобы извратившим сущность реформы, и переключить внимание общества с социально-экономической сущности государственной политики на первичность наведения порядка в стране. **Идея порядка** выступает фактором, тормозящим идейное размежевание и создающим временную идейную гомогенность, являющуюся следствием неразвитости политического сознания и, соответственно, политической культуры социума.

Это состояние, при котором формальные институты общества не выполняют соответствующих им функций, принятых в практике, например их западноевропейских аналогов, называемое **«деинституционализацией общества»**, порождает растерянность у его рядовых членов. Российская социально-политическая действительность в сравнении с абстрактными западными ценностями, сформировавшимися в массовом сознании, кажется бессмысленной и недоступной пониманию. Такие понятия, как «свобода», «равенство перед законом», «неприкосновенность собственности» и т.п., не имеют одного общепринятого объема. Реальность не создает однозначного понимания ни на уровне политической элиты, ни на уровне элиты экономической, ни на уровне партий, ни разных групп. Сами понятия «либерализм», «консерватизм», «социал-демократия» популяризировались в общественном представлении в качестве абстрактных понятий западной политической науки, плохо коррелируясь с российскими аналогами.

Неспособность «политического класса» выработать стратегию, отвечающую объективной ситуации, сложившейся в стране, свидетельствует о неподготовленности также и элитарного общественно-политического сознания, для которого, как и для массового, характерно отсутствие достаточного уровня знаний о характере реальных процессов, идущих в обществе, о возможных альтернативах его развития. При неразвитости массового сознания и отсутствии механизмов политического участия широких масс в политическом процессе современные россий-

¹¹⁴ Независимая газета. 1999. 30 декабря.

ские партии не реализуют одну из основополагающих своих функций – представлять интересы граждан посредством участия во власти. Более того, содержание их программ, политический дискурс и практика не демонстрируют ясно выраженных позиций, создающих идейно-политическую дифференциацию хотя бы на уровне элитарных групп.

Состояние общества сегодня характеризуется в научной мысли как **аномия**, что выражается в отсутствии консенсуса, веры в ценности и цели, а также в утрате нормативных и нравственных рамок, регулирующих коллективную (индивидуальную) жизнь. «Социум продолжает оставаться атомизированным, лишенным солидарности и даже потребности в солидарности. Свобода обретена, но не востребована. Власть тоже атомизирована. И те 77% выходцев из силовых структур... в новой российской номенклатуре – это вовсе не правящий монолит»¹¹⁵. Политологи констатируют «деморализацию политического класса»¹¹⁶. Под знаменами с эмблемами демократии и свободы «власть эволюционировала в направлении бюрократического реванша» и обеспечила процветание узкой группе лиц в центре и на местах. На семинаре, проведенном в апреле 2004 г. фондом «Территория будущего», был сделан вывод о том, что в нынешней России преодоление тоталитарного наследия осуществляется в условиях его частичной реставрации. Это касается возвращения «к тоталитарным принципам в триаде «личность – общество – государство». С одной стороны, личность для нынешней власти вторична по отношению к государству, а с другой – государство порождает патерналистские ожидания, сулит имущественное выравнивание и социальную справедливость, но лишь для тех, кто отказывается от гражданской самостоятельности и равноправного диалога с властью»¹¹⁷. Основным противоречием современной России, являющемся все более очевидным, было названо «параллельное развитие свободных общественных объединений, свободной экономики, свободных людей и тех институтов, которые так и не изменили свою природу после 1991 года (армия, милиция, госбезопасность, ВПК, ведомства, претендующие на функции госплана)»¹¹⁸.

Социально-экономическая модель, названная «посттоталитарно-рыночной», была охарактеризована как «общество, в котором люди получают, за редким исключением, небольшую зарплату, воруют (и даже когда получают большую зарплату, продолжают воровать). Это общество, где люди стараются, по возможности, уходить от уплаты налогов, не

¹¹⁵ Шушарин Д. Социальный либерализм как идентификационно-коммуникативная проблема // Логос. 2004. № 6. С. 63.

¹¹⁶ Шевцова Л. Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката // Pro et Contra. 2004. Т. 8. № 3. С. 47.

¹¹⁷ Шушарин Д. Указ. соч. С. 61–62.

¹¹⁸ Там же.

доверяют своему государству, пытаются войти в дружеские, коррупционные связи с чиновниками. Преимущества в конкурентной борьбе в такой системе дает не высокая эффективность бизнеса, а близость к власти»¹¹⁹. Этой системе соответствует так называемый «посттоталитарный» тип человека, который «не признает своей вины ни за создание подобной системы, ни за участие в ее функционировании».

5.2. Идеологические ценности «посттоталитарного» массового сознания

Наблюдавшаяся в конце 80-х годов среди значительной части населения популярность лозунга демократии отнюдь не означала ни его глубокой приверженности демократическим ценностям, ни адекватного понимания сущности и функционирования демократических институтов. В силу особенностей российской истории, практически не знавшей соответствующего опыта, такого понимания и не могло сложиться, как и демократических традиций вообще. «Имитационный» характер, который по преимуществу носило введение демократических институтов в процессе российской трансформации (выборность, политический плюрализм, система представительных институтов, гражданских и политических свобод), не способствовал усвоению демократических ценностей в полном их объеме. Для представителей политической элиты, сформированной из партийно-хозяйственной и комсомольской номенклатуры, демократия была прежде всего средством быстрого карьерного или имущественного взлета. Среди новых демократов преобладали «неолибералы либо технократы, озабоченные в лучшем случае не столько демократизацией, сколько рыночными реформами», что привело их в скором времени к признанию первичности рынка и вторичности демократии и в конечном итоге к авторитарной ориентации¹²⁰.

Для рядовых граждан демократия остается вербальной ценностью, своего рода общественным идеалом, при том, что они по-прежнему плохо представляют себе те механизмы политической демократии, которые с этим идеалом связаны. Демократия ассоциируется у них прежде всего с двумя мало связанными между собой ценностями – свободой, зачастую трактуемой анархически как ничем не ограниченная «воля», и социальной защищенностью¹²¹.

¹¹⁹ Погорельский А. Социальный либерализм: перспективы в России // Логос. 2004. № 6. С. 51–52.

¹²⁰ Холодковский К.Г. Политическая модернизация и будущее России // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции. Политическая наука. – М., 2004. С. 253.

¹²¹ Там же. С. 254–255.

Таким образом, формально установленные в постсоветской России демократические институты не опираются на ясно выраженное мнение народных масс. Другое дело, что, получив первичный опыт функционирования этих институтов, народное сознание совершило своеобразный отбор, положительно оценив в первую очередь те из них, которые реально проявили себя как благоприятные элементы повседневного существования масс. К таковым, судя по результатам опросов, были отнесены: свобода слова и печати, свобода выезда из страны, в меньшей степени – право на забастовки. В то же время многопартийные выборы нашли одобрение лишь у меньшинства. Правда, многопартийность признана все же более предпочтительной, нежели однопартийность. Мало интереса проявляют массы к работе парламента. Однако недоверие россиян к существующим демократическим институтам не означает, что массовые слои населения сделали однозначный выбор в пользу ликвидации демократии. Интерпретировать в таком духе высказывание большинства за режим «твердой руки» было бы ошибочно. Сознательных сторонников авторитаризма не намного больше приверженцев демократии и среди населения, в отличие от элиты эта доля увеличилась за последнее десятилетие не столь решительно, что выражается, например, в высказываниях против отмены выборов и партий.

Усвоение демократических идей и ценностей происходит на протяжении достаточно длительного времени. Демократическое политическое сознание и адекватная политическая культура личности предполагают принятие таких ценностей, как уважение прав и свобод личности; отказ от насилия в решении спорных вопросов; гуманность; терпимость к инакомыслию; уважение и соблюдение гражданами законов; взаимная ответственность граждан и правительства за свои действия.

Люди, воспитанные в условиях демократии, сохраняют приверженность этой форме правления даже в периоды острых политических и экономических кризисов, от которых не застраховано ни одно общество. Истинно демократические силы исходят из того, что всякое политическое противоборство должно заканчиваться не полной победой одной стороны и сокрушительным поражением другой, а достижением компромисса, приемлемого для всех сторон. Именно на этой основе достигается консенсус в демократической политической системе.

Ситуация значительно осложняется тем, что исторически в России утвердилась конфронтационная политическая культура, корни которой в прошлом. Сегодня это выражается в нетерпимости к противоположной точке зрения. Конфронтация и нетерпимость неизменно воспроизводятся и во многих структурах власти, подталкивая их к авторитаризму.

Малочисленность и узость партий, отсутствие по-настоящему влиятельных партийно-политических сил исключают и согласие на уровне ведущих политических сил – партий, движений, объединений, блоков, элит.

В условиях социальной напряженности, несформированности классов и социальных слоев, которые обладают необходимым уровнем осознания своих интересов и способностью согласовывать их демократическим путем, перспективы страны непосредственно зависят от действий правящих кругов.

Новая политическая элита все больше утрачивает демократический запал первых лет и оказывается в плену авторитарных стереотипов политического мышления и способов действия. «Номенклатурный реванш» – соединение власти и собственности в руках номенклатурной элиты, ее явное превалирование над другими в структурах власти определило навязывание обществу «бюрократического рынка».

С другой стороны, в массовом сознании авторитарный тип личности также достаточно распространен. Он характеризуется: социальной апатией; готовностью подчиняться директивам «сверху»; склонностью воспринимать информацию не самостоятельно, а в соответствии со сложившимися стереотипами, нетерпимостью ко всему, выходящему за рамки привычного, способностью без особых усилий растворяться в некоей общности, обретая в этом высший смысл существования.

Этому комплексу соответствует страх, мистификация власти (представление о ней как о некоей высшей по отношению к обществу силе, которую нельзя контролировать), нетерпимость, фанатичное неприятие инакомыслящих, отношение к ним как к врагам, на которых возлагается вина за неудачи и беды. Такой тип сознания есть во всех странах. Расширение этого слоя у нас не только следствие наследственности, но в большей степени развитие кризисов в системе власти, невыполнение ею управленческих функций. В отличие от развитых капиталистических стран носители авторитарного сознания, сторонники «жесткой руки» требуют политической диктатуры не ради обеспечения экономической свободы, а нечто совсем иное: авторитарное регулирование экономики и защиту личности от произвола и беззакония при сохранении политической свободы. При этом одни имеют в виду прежде всего государственный сектор, другие – частный. Но «жесткая рука» не воспринимается ими как альтернатива демократии. Ситуация парадоксальная: предпочтение порядка – демократии, при одновременной почти всеобщей поддержке прав человека, соблюдения свобод. Но то, что для этого нужны примат права, правовое государство – пока слабо осознано. Следование праву, а не сиюминутной целесообразности еще многими воспринимается как «беспорядок», что позволяет сделать вывод, что демократическое сознание на массовом уровне пока непоследовательно, алогично. Свобода предполагает демократию, а государственный патернализм – авторитарную власть. Однако российское сознание не особенно следует формальной логике. Нередко встречаются люди, одинаково страстно осуждающие авторитарную власть партноменклатуры и требующие восстановления всеохватывающей системы государственных социальных гарантий.

В основе этого лежит противоречие между главным типом российской политической культуры – патриархально-подданническим и особенностями конкретно-исторической ситуации: стремление к демократии на уровне сознания и отсутствие сложившихся механизмов и институтов в обществе, которые делали бы демократическое сознание объективно самовоспроизводящимся.

Возникли такие парадоксальные явления, как появление класса, который в своем актуальном состоянии не имеет адекватного сознания своего собственного состояния: частный собственник, который не является носителем либерального сознания. Это следствие того, что наше общество не является в структурном и функциональном отношении либерально-демократическим. Нет ни сложившегося рынка, ни правового государства, ни соответствующих культурных институтов, которые бы воспроизводили либеральное сознание «объективно», самим сложившимся ритуалом общественной жизни. Поэтому либеральная ориентация может быть только результатом более или менее сознательных усилий, выбора, решения.

Единственным конструктивным способом выхода из создавшегося положения является последовательное, форсированное проведение реформ, которые бы сделали более отчетливым характер общества. В то же время сложившаяся в обществе социально-психологическая атмосфера в минимальной степени благоприятствует реформам. Да и сами реформы в том виде, в котором они осуществляются, не включают специально корректирующие, упреждающие меры, которые облегчили бы адаптацию населения к последствиям преобразований, усиливая негативные оценки.

Согласно К. Мангейму, идеология является производной от соответствующего мировоззрения, которое формируется определенным социально-политическим контекстом, т.е. «определенная структура бытия» каждого класса, слоя, группы приводит «к определенной интерпретации этого бытия». В условиях «бытия» в России *демократически ориентированные граждане* (и не только они) оказываются висящими в «идеологической пустоте», так как являются носителями неопределенного, аморфного и эклектичного мировоззрения.

Результаты обследования показывают, что наиболее сильная тяга к авторитаризму наблюдается среди наименее образованных социальных слоев. Такие взгляды, как это не парадоксально, нередко отстаивают люди, в наибольшей степени лишенные власти, находящиеся в жесткой зависимости: низшие чины в армии, милиции, персонал сферы услуг, рабочие низкой квалификации, аграрии, связанные с рутинным трудом и образом жизни, пенсионеры. Жажда «железной руки» как оборотная сторона приниженности личности встречается в определенных ситуациях у представителей интеллектуальных профессий –

технократов. Хотя в принципе творческий труд и тоталитаризм – антиподы. Но, как замечено, технократы, не имеющие опоры в обществе, при всех режимах оказываются послушным инструментом власти, даже если им доверено определять стратегию развития.

Вывод: наше общество представляет собой «социокультурный гибрид» так называемого «авторитарно-демократического типа» массового сознания. Как показывают данные опросов российского общественного мнения, главное требование, предъявляемое им к государственно-политической сфере, не вписывается в рамки каких-либо альтернативных идеологических парадигм. Это требование **преодоления анархии, восстановления порядка в обществе**. Это закономерное требование – естественная реакция на деинституционализацию общества, о которой мы говорили выше. «Питающая его потребность в нормально работающих в обществе институтах – в принципе а-(или до-) идеологична, инструментальна, ибо она не затрагивает альтернативных целей или приоритетов общественного развития. Российское общество вопреки популярному образу – это не просто витязь на распутье, витязь на распутье на охромевшем коне: прежде чем ехать по выбранному пути, надо обеспечить средство передвижения»¹²². Приоритет порядка в данной ситуации – не только фактор, тормозящий идейно-политическое размежевание общества, но и затушевывающий возможность существования принципиально различных путей эволюции государства и общества в России. Стержнем желаемого порядка может быть идея прав и свободы личности, а может – примата государства, поработавшего личность. Закон может рассматриваться как инструмент общественного согласия, регулирующий обязанности граждан по отношению к государству и государства по отношению к гражданам, или как произвол власти, ставшей над законом. Он может опираться на репрессивную систему жесткого подавления любого проявления недовольства или на свободное следование гражданами общепринятым правилам стандартам поведения. И если в самом обществе существуют разногласия относительно того, каким должен быть этот порядок, то стремление к установлению «хоть какого-то порядка» в значительной степени отводит на задний план эти разногласия.

5.3. Особенности идейно-политической дифференциации

Ценности, формирующие политико-идеологические пристрастия, связаны с российскими мировоззренческими национальными традиция-

¹²² Дилигенский Г. Дифференциация или фрагментация? // МЭ и МО. 1999. № 9. С. 68.

ми. В значительной степени, как полагают аналитики, существенной линией размежевания российского социума является выбор между административно-распределительной, государственно-патерналистской системой и рыночной свободой, подразумевающей предприимчивость, инициативу, опору на себя¹²³. По результатам опросов, проведенных в 1998 году, только 30 % опрошенных согласились с принципом «государство не может нести ответственность за каждого гражданина. Каждый должен заботиться сам о себе»¹²⁴. Традиционалистская ориентация на государство, ожидание социальных гарантий характеризуют психологию значительной части коммунистического электората. Эти установки сочетаются у многих с постсоветскими демократическими новациями – свободой слова, информации, свободными выборами, новыми возможностями бездефицитного потребления товаров и услуг. По сути, это ориентация на социальную справедливость и эта часть должна была бы составлять социальную базу социал-демократической идеологии, которая, к сожалению, недостаточно выражена в партийном спектре. Но пока не сложилось единого понимания российского социализма и на левом фланге доминируют коммунисты, мировоззрение которых утратило прежнюю ортодоксальность и стало противоречивым, не перестав быть утопичным. В частности – стремление объединить в границах возвращенного социализма частную собственность, рыночные отношения, с одной стороны, и государственно-плановое регулирование под руководством коммунистической партии – с другой. Противоречивость коммунистического лагеря, как впрочем и российской идеологии в целом, ориентация определенной их части на советское государство, с которым связано «счастливое прошлое», дает основание рассматривать их как радикальных консерваторов.

Большое распространение в 90-е годы получили различные варианты державно-националистических взглядов, базировавшихся на идее национального превосходства России, в соответствии с которой должна строиться вся государственная политика и вся жизнь обществ. Их пристрастия в основном обращены в прошлое, что было достаточным основанием для отнесения их всех к консервативному лагерю. Идеал общественного устройства они связывают с различными отрезками истории России: от коммунистического, с теми или иными вариантами, до допетровской Руси, не испытавшей еще «тлетворного влияния Запада. Есть приверженцы священной триады «Веры, Царя, Отечества» или «православие-самодержавие – народность». Наконец, более всего почи-

¹²³ См. подробнее: Холодковский К.Г. Дифференциация или фрагментация // МЭ и МО. 1999. № 10. С. 41.

¹²⁴ Лапкин В.В., Пантин В.И. Ценности постсоветского человека // Человек в переходном обществе. – М., 1998. С. 30.

тателей находила семидесятилетняя история России, особенно 70-е годы «брежневского застоя».

Комбинация национализма с идейно-политическими ценностями выявила четыре разновидности консервативного сознания, характерные для постсоветского общества конца 90-х годов¹²⁵.

Национал-социалисты – напоминают фашизм на ранней стадии: сочетание расизма, этноцентризма с патриархально-коллективистскими ценностями. Эта идеология развернута не к какой-то конкретной модели, а к мифическому полуфеодальному, полуродовому государству-общине, населенному племенами воинов и спаянному братством крови. Выступают против частной собственности. Призывают освободиться от «мелкотравчатых иллюзий, что предприниматели спасут Россию». Считают, что стимулами к труду должно выступать не свободное частное предпринимательство, а «импульсы национальной энергии». Иногда признается допустимость в условиях капиталистического окружения: «частичное введение рыночных отношений» в мелких и средних сферах под строгим административным контролем для ликвидации дефицита товаров.

Национал-капиталисты против государства, плохо выполняющего свою роль по отношению к своему народу. Государство должно защищать интересы своих граждан. Но ни одно государство в истории России их не удовлетворяет, так же как и государство капиталистического общества. Идеальный вариант – демократическое общество среднего класса с мифическими элементами национального сознания.

Державные социалисты под это определение подпадают почти все коммунисты, кроме поклонников мировой революции и интернационализма. Здесь варианты от прямой апологии сталинизма до мягкого реформированного варианта российского социализма с акцентами на социально-экономических гарантиях.

Державные капиталисты отстаивают, как правило, идею уникального пути России во всем – политике, экономике, социальной жизни. Это так называемые последователи идеи «третьего пути». Их любимые идеи – протекционизм, изоляционизм в экономике. Они выступают против квалификации своих взглядов как коммунистических, демократических, фашистских. (Редактор националистической газеты «Завтра» А. Проханов: «Поскольку мы за превосходство государственных интересов над всеми остальными, то нам безразлично, какая у нас будет Россия, коммунистическая, буржуазная, имперская, лишь бы она была огромной, сильной, независимой, суверенной, процветающей, народной»). «Национал-капиталисты» и «капиталисты державники» сходились по

¹²⁵ Прусс И.В. Рынок в будущее или движение по кругу // Полис. 1997. № 3. С. 53.

экономическим составляющим своих идеологий, но первые добавляют в свой комплекс элементы этнической нетерпимости.

Наиболее последовательно идеологию современного консерватизма, в близком к западно-европейскому пониманию варианте, выразила созданная в 1997 году Львом Убожко консервативная партия России, провозгласившая целью становление «Великой России» на «базе полной свободы хозяйственной деятельности, на святом праве владения частной собственностью каждого россиянина в городе и в деревне». В принятой в 2001 году Декларации главными ценностями провозглашались: человек и его права, интересы семьи, неприкосновенность собственности, интересы работодателя и товаропроизводителя, образование, терпимость, преемственность, прагматизм. Под теми же ценностями, в большей степени развернутыми в индивидуалистическую плоскость и не отягощенными великодержавной риторикой, мог бы подписаться и Союз правых сил, представляющий идеологию радикального либерализма.

Современный российский либерализм также дает довольно расплывчатый спектр от «нелиберального индивидуализма», который признает ценности индивидуальной свободы, но понимает ее исключительно как свободу реализации собственного интереса. По сути, речь идет о неограниченном индивидуальном произволе. Внешне он противостоит и традиционному советскому, и национал-патриотическому, но не соответствует раннему либерализму, который «воспитывался» на идеях равного права на свободу и священном отношении к праву вообще. Такой индивидуализм имеет две перспективы – в сторону правового либерализма и криминального беспредела.

Наиболее последовательный либерализм выступает в виде двух разновидностей: экономического или «неоклассического» и «социального». Первые полагают, что принцип частной собственности при последовательной его реализации автоматически обеспечивает все остальные права и свободы, и роль государства состоит в том, чтобы не мешать предпринимателям. Именно такие позиции отстаивает Союз правых сил, считая своей социальной базой самодостаточного инициативного предпринимателя, игнорируя криминально-бюрократический характер российской, экономической системы, правовую незащищенность среднего и мелкого бизнеса, практически не оставляющие шансов выжить в неравной конкуренции с крупными монополистами. «Социал-либерализм» отдает предпочтение не частной собственности, свободе и равенству перед законом, а обеспечению социальных гарантий и, соответственно, социальному регулированию доходов населения, которые возлагаются на государство. В наибольшей степени такой подход выражен в программных принципах партии «Яблоко». Но российская политическая практика представлена правым флангом социал-либеральной

идеологии, на котором располагаются различные приверженцы «сильного государства». Такой либерализм дает наиболее реальный в современных условиях «либерально-консервативный комплекс», носители которого обосновывают необходимость усиления роли государства в процессе реформирования общества, тем, что «в интересах всего общества необходимо восстановить порядок, укрепить ослабевшее государство, взять под контроль угрожающие национальному единству деструктивные процессы»¹²⁶.

Не только российская, но и мировая практика неоднократно подтверждала вывод о том, что усиление роли государства даже в интересах общества, особенно расширение государственного вмешательства в экономику, пагубно сказывается на самом его развитии, так как всегда сопровождается бюрократизацией политики. Чиновник, как убедительно показал М. Вебер, не способен служить идее, он служит только государству. В своей практической деятельности он не способен к творчеству, не приемлет дискуссии и плюрализма вообще, идеальным руководством для него является инструкция, четко формулирующая задачу. Такой подход в политике губителен, он исключает коммуникативность, а значит гибкость, толерантность, способность к развитию. Именно таким объединением федеральной и региональной бюрократии, претендующей на главенствующую роль в партийно-политической системе, является «Единая Россия». Совершенно ясно, что «при всех заигрываниях с инструментально понимаемой идеологией (от либерального консерватизма до идеи социальной справедливости) единственным четким программным ориентиром «единороссов» является поддержка президента. Массовой базой мобилизованной и выдвинутой на авансцену политики «партией власти» стала наиболее идеологически бесцветная и манипулируемая часть населения. В своей организационной деятельности «Единая Россия» практически заимствует у КПСС традиции «приводного ремня»¹²⁷.

Проблемой российской общественно-политической жизни является тот факт, что многомерность политического спектра осложняет позиционирование в одной системе координат политических сил (партий, движений). «Гибридные», нечеткие идеологические формулировки программ плохо понимаемы избирателями. Так, одни «либералы считают приватизацию «по Чубайсу», «необходимым злом», а другие – абсолютно ошибочным и даже преступным шагом. И данное разделение порой играет большую роль, нежели общая приверженность либеральным ценностям. Именно из-за этого, а не из-за степени «правизны» или «левизны» СПС и «Яблоку» трудно объединиться. По той же причине (если

¹²⁶ Холодковский К.Г. Указ. соч. С. 259.

¹²⁷ Там же. С. 260.

не брать во внимание личностный фактор) вопрос о союзе «Яблока» и «Отечества» даже не ставится, несмотря на то, что их идеологические искания идут в одном направлении – синтеза либеральных и социал-демократических идей с учетом специфики российской истории и культуры. И напротив, интерес «Единства» к консерватизму и стремление «Отечества» учиться у социал-демократов не сближает их позиции по отношению к недавнему политическому прошлому. По-видимому, политическая актуальность оценки прошлого является своеобразным показателем нерешенности вопроса о целях российского транзита. Данное обстоятельство «лишний раз указывает на незавершенность процесса формирования идеологий в России: ведь осмысленные перспективы и привязка к системе координат «прошлое-настоящее-будущее» происходит при помощи «системы идей». Именно «непроговоренность» альтернатив, неспособность российских идеологий выполнить функции интеграции и ориентации потенциальных акторов ведут к тому, что наличные результаты политического процесса и лидеры, транслирующие те или иные политические установки, становятся непосредственными маркерами политического пространства в глазах общества»¹²⁸.

И мы снова возвращаемся к мысли о том, что специфический характер формирования российских идеологических систем состоит в том, что они – результат не столько социальной, сколько интеллектуальной практики, и приверженность им диктуется не сформировавшимся социально-экономическим интересом, а все тем же интеллектуальным выбором.

В России либерализм не укоренен в обществе, а навязан последнему извне. Он изначально – «государственный либерализм». Поэтому «либеральное» государство здесь существует в нелиберальной по сути среде. То, что должно быть началом – либеральное общество, – является в России концом. А поэтому «демократизация» в России, – отмечает В.Б. Пастухов, – развивается как бы в обратном направлении... Фиксированное в Конституции разделение властей ...приводит к концентрации власти в Кремле. Либерализация экономической жизни оборачивается усилением фискальных функций государства. Усиление роли права и закона заканчивается невиданным даже в России бюрократическим произволом в центре и на местах»¹²⁹.

В посткоммунистической России сформировался порочный идеологический круг. Непопулярная политика властей сопровождалась либеральным мифотворчеством. Один из основных эксплуатируемых властью мифов – демократический характер современного российского государства. Недовольство политикой переносится на демократию. «В

¹²⁸ Малинова О.Ю. Партийные идеологии России: атрибут или антураж? // Полис. 2001. № 5. С. 102.

¹²⁹ Пастухов В.Б. Указ.соч. С. 61.

нашей стране еще никто не знает, что такое действительная демократия и реальный либерализм, но все уже их осуждают». Более того, в среде «субъектов, отягощенных способностью к рефлексии», проще говоря, мыслящих, появляются настроения относительности несовместимости российской ментальности и демократии вообще, непригодности ее механизмов и принципов для решения специфически российских проблем. Кроме того, надо иметь в виду, что антидемократические настроения в обществе на руку политикам, не желающим утруждать себя поисками гибких методов взаимодействия государства и общества в процессе преобразования.

В России государство всегда опережало нацию. Государство – тот стержень, на котором держалась нация. Распалось государство – стала распадаться нация. Но чтоб сформировалась нация, должен сформироваться социум, в котором общие ценности не навязаны государством. Национальная идеология вырабатывается в результате согласования позиций и интересов «несогласных». Должна быть достигнута договоренность – своеобразный общественный договор об общеприемлемых ценностях, касающихся устройства страны и общезначимых целей развития. Ключевые факторы этого ценностного пространства – общее Отечество, социальная справедливость, достоинство человека и страны должны быть сформированы на социальном уровне. Процесс классовообразования в ходе оформления социально-экономических структур породит спрос и на соответствующую определенным интересам идеологию. Так, по прогнозам политологов, особенностью формирования среднего класса в условиях «периферийного капитализма», характерного в том числе, и для России, станет растущее недовольство нестабильностью своего положения, которое повлечет его «полевание», и молодое поколение среднего класса даст кадры для новых левооппозиционных движений западного образца¹³⁰.

¹³⁰ Каргалицкий Б. Политика. Выборы прошли, политическая борьба начинается // Свободная мысль. 2004. № 1. С. 16–17.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Аномия – состояние общества или личного отношения к обществу, в котором имеется слабый консенсус, недостаток веры в ценности или цели, а также утрата эффективности нормативных и нравственных рамок, регулирующих коллективную (индивидуальную) жизнь.

Аскетизм – религиозный принцип поведения, связанный с «умерщвлением» плоти и воздержанием от всего, потакающего личным удовольствиям и радостям.

Архетип – скрытый в коллективном подсознании культурный стереотип, косвенным образом влияющий на наше поведение, наши предпочтения и выбор.

Богостроительство – направление русской философско-этической мысли начала XX века, рассматривающее всеобщую созидательную деятельность человека как религию.

Вестернизация – распространение западных ценностей, институтов и образа жизни во всем мире, частично в результате товарного и культурно-информационного обмена, частично в результате западной гегемонии, а также деятельности местных западников.

Европоцентризм – концепция, согласно которой западноевропейский тип культуры является образцовым для всего человечества, а Западная Европа – центром мирового развития.

Кливаж (от англ. cleavage расщепление, разделение) – достаточно широкие и глубокие расколы общества по различным основаниям (классовым, расовым, религиозным).

Клиентела – совокупность клиентов какого-либо патрона. Социально зависимые отношения патрона с контролируемыми, зависимыми (подкармливаемыми им) и подчиненными в силу этого людьми.

Клика (от франц. Clique) – группа людей, объединенная корпоративными и экономическими, социальными и политическими и другими интересами, осуществляющая своекорыстные требования через институты и каналы государства (как правило, авторитарного).

Конструкт – логическая модель объекта или ситуации.

Ментальность – исторически обусловленная специфика мышления представителей разных стран и культур.

Мессианизм – богоизбранничество народа для выполнения особой предопределенной роли в судьбах мира.

Миссианство – культурно-историческое призвание народа в силу его особого исторического положения; в отличие от мессианизма, миссианство лишено провиденциалистского смысла.

Монизм – философские системы, исходящие из единого основания многообразия мира; противоположен дуализму, различающему два начала – духовное и материальное, или плюрализму, исходящему из множественности начал.

Нигилизм – отрицание общепринятых идеалов и ценностей. Имело широкое распространение в России XIX века среди революционно настроенной молодежи. Свое имя движение получило под влиянием романа И.С. Тургенева «Отцы и дети».

Обскурантизм (от лат. затемнять) – принципиально враждебное отношение к просвещению.

Парадигма – устоявшийся образец или модель, создающие осознанную или неосознанную установку мышления видеть явления в определенном свете или исследовать их в соответствующем методологическом ключе.

Провиденциализм – понимание истории как проявления воли внешних по отношению к процессу сил, провидения, Бога.

Просвещение – течение в области культурной и духовной жизни, сложившееся в Европе в XVIII веке, ставящее своей целью заменить воззрения, основывающиеся на религиозном, традиционном авторитете, на такие, которые вытекают из требований человеческого разума.

Профетический – пророческий.

Рефлексия – форма умственной деятельности человека, направленная на осмысление своих собственных действий, их теоретических предпосылок и результатов.

Русская идея – совокупность социально-философских взглядов на специфику исторического пути России, особенности русского миро- и жизнепонимания.

Славянофильство – направление русской социально-философской мысли 40–50-х годов XIX века, выступившее с обоснованием идеи самобытности, своеобразия, уникальности исторических судеб России и отрицавшее систему ценностей Запада.

Соборность – понятие, введенное в русскую религиозную философию А.С. Хомяковым, означающее «единство во множестве». Идеалом соборности Хомяков, а за ним и другие славянофилы считали православную церковь, которая в отличие от авторитарной католической церкви сочетает свободу духа и единство верующих. Соборное единство в отличие от тоталитарной коллективности ленинской модели, предполагавшей общество организованное «как единая фабрика», имеет в виду модель общества, организованного как церковная община..

Социальное государство – государство ответственное за состояние социально незащищенных граждан, имеющее соответствующие социальные программы и институты, смягчающие последствия рыночной конкуренции.

Тоталитаризм (от лат. totus весь, целый) – система насильственного политического господства, характеризующаяся полным подчинением общества, его экономической, социальной, идеологической, духовной и даже бытовой жизни власти господствующей элиты, возглавляемой лидером (фюрером, вождем, каудилье).

Трансцендентное – внеопытное, потустороннее, лежащее за пределами человеческого опыта и познания.

Харизма (от греч. дар, благодать) – термин введен в социально-политические науки Э. Трельчем и М. Вебером. Харизматическое лидерство основано на исключительных качествах избранной личности, способной внушить веру и энтузиазм массам.

Холизм – методологический принцип целостности, выражающийся в формуле «целое больше, чем сумма его частей».

Эгалитаризм (от франц. egalitarianism, egalite равенство) – умонастроение, теория, требующая всеобщей уравнительности как принципа организации общественной жизни. Наиболее характерен для «казарменного коммунизма», нивелирующего способности и потребности людей.

Эклектика – механическое соединение различных, часто несоместимых принципов.

Экспроприация экспроприаторов – ставшее крылатым выражение Карла Маркса, означающее изъятие собственности у буржуазии, в свое время изъывшей ее у народа.

Эмансипация – освобождение от зависимости (социальной, идеологической, церковной).

Эсхатология – религиозно-философское учение о конечных судьбах мира и человека, о конце света и Страшном суде.

Этатизм – превознесение государства как высшей ценности, стремление подчинить его контролю и вмешательству все сферы общественной жизни.

ИМЕННОЙ СЛОВАРЬ

Алексеев Николай Николаевич (1879–1964), профессор права Московского ун-та (1912–1917), профессор права в Праге и Берлине (1922–1931). Примыкал к евразийскому движению, одно время считался его главным политологом. Умер в Женеве.

Бердяев Николай Александрович (1874–1948), крупнейший русский философ, литератор, публицист, общественный деятель. Эволюционировал от «легального марксизма» к идеализму и религиозному мирозозерцанию. Один из участников сборника «Вехи». В сентябре 1922 г. выслан советскими властями за границу. До середины 1924 г. жил в Берлине, затем – в Париже. Занимался научно-просветительской деятельностью. Написал ряд работ о путях русской и мировой истории, принесших ему мировую известность.

Бицилли Петр Михайлович (187–1953), историк, филолог, литературный критик. С 1910 приват-доцент кафедры всеобщей истории в Новороссийском университете. Автор научных работ по древней и средневековой истории. В 1920 г. эмигрировал в Сербию. С 1924 г. преподавал в Софийском ун-те на кафедре новой и новейшей истории. В 1925 г. опубликовал «Очерки теории исторической науки» и ряд работ по русской литературе.

Вернадский Георгий Владимирович (1887–1973), русский историк, примыкал к евразийскому движению. Эмигрировал в 1920 г. Преподавал в Русском юридическом университете в Праге (1922–1927), затем профессор Йельского университета (1927–1956). Автор 6-томного труда «История России». Умер в Нью-Йорке.

Ильин Иван Александрович (1883–1954), религиозный мыслитель, ученый-правовед, культуролог, публицист, литературный критик. Приват-доцент и профессор философии Московского ун-та (1918–1922). Выслан из Советской России в 1922 г. С 1923 по 1934 – профессор русского научного ин-та в Берлине. Идеолог «белого» движения, теоретик монархизма, автор цикла работ по проблемам России и ее будущего устройства. Умер в Швейцарии.

Карсавин Лев Платонович (1882–1959), историк-медиевист, филолог, богослов и публицист. Профессор Петербургского ун-та. Выслан из России в 1922 г. Один из идеологов левого крыла евразийства. С 1928 по 1949 г. работал в Литве (кафедра ун-та в Ковно), затем был директором музея в Вильнюсе. В 1949 г. арестован и сослан в Коми АССР, где и скончался.

Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933), русский историк, член ЦК кадетской партии, депутат 2-й Государственной думы. В 1922 г. выслан из Советской России. Профессор истории Пражского ун-та. Один из активных участников научной и культурной жизни рус-

ского зарубежья, инициатор создания и руководитель Русского заграничного исторического архива в Праге и с 1925 г. – Русского исторического общества.

Кистяковский Богдан Александрович (1868–1920), философ и социолог. Профессор Киевского ун-та. Участник сборника «Вехи».

Ключников Юрий Вениаминович (1886–1938), один из основателей и идеологов сменовеховского движения, лидер левого крыла. Видный деятель кадетской партии. В годы гражданской войны боролся против большевиков в составе белой армии. Был министром иностранных дел в правительстве А.В. Колчака. Участвовал по приглашению Ленина в составе советской делегации в работе Генуэзской мирной конференции 1922 г. Вскоре вернулся в Советский Союз. В 1938 г. арестован и приговорен к расстрелу.

Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925), князь, русский политический деятель, юрист, примыкал к кадетам. С 1902 по 1905 г. председатель Тульской губернской земской управы, депутат 1-й Государственной думы в Министерстве юстиции. В период первой мировой войны председатель Всероссийского земского союза и один из руководителей объединенного комитета земских и городских союзов. Глава двух первых кабинетов Временного правительства. После Октябрьской революции эмигрировал во Францию, возглавил антибольшевистское Русское политическое совещание в Париже.

Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957), политический деятель, адвокат. С 1906 г. член ЦК партии кадетов, депутат Государственной думы 2–4 созывов. В феврале 1917 г. комиссар Временного комитета Государственной думы в Министерстве юстиции, затем посол во Франции. После Октябрьской революции остался в эмиграции. Возглавлял «Эмигрантский комитет», «Центральный офис по делам беженцев» и созданный в 1924 г. Русского комитета объединенных организаций.

Мордвинов Николай Семенович (1754–1845), русский государственный и общественный деятель, экономист, граф с 1843 г. Служил на флоте. В 1774–1777 гг. находился в учебном плавании на английских судах у берегов Северной Америки, испытал влияние английских либеральных идей. С 1799 г. адмирал. В 1802 военный министр. Сотрудничал со Сперанским в разработке плана улучшения финансовой системы России. В 1823–1840 гг. – президент ВЭО. В 1826 г. единственный из членов Верховного уголовного суда, отказавшийся подписать смертный приговор декабристам, осудив, однако, методы их действий. Будучи сторонником буржуазных экономических преобразований в рамках самодержавного строя, выдвинул проект постепенной ликвидации крепостного права путем выкупа крестьянами личной свободы с последующим созданием в России частного крестьянского хозяйства.

Милюков Павел Николаевич (1859–1943), русский историк и социолог, либеральный политический деятель, один из основателей и гла-

ва кадетской партии (председатель ЦК). Депутат 3-й и 4-й Государственных дум, министр иностранных дел в 1-м составе Временного правительства. Эмигрировал в 1920 г. В эмиграции был редактором одной из самых популярных газет «Последние новости». Автор известного исторического труда «Очерки по истории русской культуры», а также «Национальный вопрос» (1925), «Россия на переломе. Большевицкий период русской революции» (1927), «Республика или монархия» (1929), «Воспоминания» (1955). Умер и похоронен во Франции.

Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922), криминалист, русский политический деятель. Один из основателей партии кадетов, товарищ председателя ее ЦК, редактор-издатель ее органа «Вестник партии народной свободы» и газеты «Речь». Депутат 1-й Государственной думы. После Февральской революции 1917 г. управлял делами Временного правительства. После Октябрьской революции по декрету Советской власти от 28 ноября (11 декабря) 1917 г. в отношении лидеров партии кадетов подлежал аресту и вынужден был скрываться. В 1919 министр юстиции Крымского краевого правительства. С 1920 г. в эмиграции, примкнул к правому крылу кадетов. Вместе с И.В. Гессеном издавал в Берлине газету «Руль». Убит эмигрантом-монархистом. Автор воспоминаний о Временном правительстве.

Новгородцев Павел Иванович (1866–1924), русский правовед, философ и социолог. Был членом ЦК партии кадетов. Участник программного сборника «Проблемы идеализма» (1902), где выступил со статьей «Нравственный идеализм в философии права». Профессор Московского ун-та. После большевистской революции уехал из России, основал в Праге Русский юридический факультет при Карловом ун-те, где преподавали многие русские ученые-эмигранты. Автор известного труда «Об общественном идеале» (1917), а также книги «Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба» (1896), «О праве на существование. Социально-философские этюды» (1911) и т.д. Умер и похоронен в Праге.

Савицкий Петр Николаевич (1895–1968), экономист, ученый-географ, публицист. Окончил Петроградский политехнический институт в 1917 г. Профессор Пражского ун-та. Глава евразийского движения. Исключен немецкими властями из университета после оккупации Чехии. После прихода Красной Армии арестован, отбывал ссылку в советских лагерях. Возвращен в Чехию в 1956 г., где вновь арестован в 1961 г. Умер в Праге.

Святополк-Мирский Дмитрий Петрович (1890–1946), князь, поэт, журналист, литературный критик. В армии Деникина был начальником штаба. В эмиграции примыкал к евразийскому движению, затем к ортодоксальному марксизму-ленинизму. В 1931 г. написал апологетическую книгу о Ленине. В 1932 г. при содействии Горького вернулся в

Россию, получил советский паспорт. Играл активную роль в литературном процессе 30-х гг. Участвовал вместе с Горьким в создании серии «Истории фабрик и заводов», печатал статьи и рецензии в «Литературной газете» и «Звезде». В 1934 г. принят в Союз советских писателей. В 1937 г. арестован. Погиб в Гулаге.

Струве Петр Бернгардович (1870–1944), экономист, историк, философ, публицист, общественный деятель, редактор дореволюционных журналов «Освобождение», «Полярная звезда», «Русская свобода». Организатор и глава «Союза освобождения», член ЦК партии кадетов. Член Государственной думы второго созыва. Ярчайший представитель русского национал-либерализма. Один из организаторов и участников сборников «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918). Организатор «Лиги русской культуры». С 1919 г. в эмиграции. Занимался общественной деятельностью, редактировал газеты «Возрождение», «Россия» и «Россия и славянство», журнал «Русская мысль». С 1928 г. жил и преподавал в Русском научном институте в Белграде. В 1940 г. вернулся в Париж, где и умер.

Трубецкой Николай Сергеевич (1890–1938), князь, известный культуролог, лингвист, один из основателей и теоретиков евразийства. Автор программной книги «Европа и человечество» (1920), которую принято считать первой евразийской публикацией. Инициатор и участник евразийского сборника «Исход к Востоку» (1921), положившего начало евразийскому движению. Выдвинул и обосновал понятие «идеократии». После усиления в евразийском движении левых, пробольшевицких и просталинских тенденций отошел от движения. Умер и похоронен в Вене.

Устрялов Николай Васильевич (1890–1937), русский политический деятель, историк и публицист, видный деятель кадетской партии с 1917 г. Во время гражданской войны издавал в Омске газ. «Русское дело», был одним из советников адм. А.В. Колчака. После поражения армии Колчака эмигрировал в Харбин. В 1920–1934 проф. Харбинского ун-та. Один из идеологов сменовеховства. С 1925 г. сотрудничает с советской властью. В 1935 вместе с другими сотрудниками КВЖД вернулся в Советский Союз. Преподавал в Московском ин-те инженеров транспорта. Вскоре обвинен в шпионаже, контрреволюционной деятельности и антисоветской агитации, арестован, расстрелян.

Флоровский Георгий Васильевич (1893–1979), богослов, философ, историк культуры. С 1925 г. профессор патристики в Богословском ин-те в Париже. В 1932 г. принял священство. Преподавал в Нью-Йорке в Православной богословской академии, затем – в Пристонском ун-те. На англ. языке издал 14-томное собрание сочинений, включающее труды по богословию, византологии, истории русской философии.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Т.А., Капустин Б.Г., Пантин И.К. Национальная идеология: иллюзия или непонятная потребность? // Октябрь. 1997. № 1.
- Виноградов А. Либерализм и особенности современной российской элиты // Логос. 2004. № 6.
- Дилигенский Г. Дифференциация или фрагментация? (о политическом сознании в России) // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 9–10.
- Ильин И.А. О грядущей России. – Джорданвилл, 1991. – 367 с.
- Каменев Л.Б. Из истории русского либерализма // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (1 половина XX века). – М., 2000.
- Качаев В. Еще раз о национальной идее России // Власть. 1999. № 5.
- Левкин А. Либерализм без либералов // Логос. 2004. № 6.
- Леонтович В.В. История Либерализма в России. – М., 1996.
- Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории. – М., 1997.
- Новикова Л., Сиземская И. Идеиные истоки русского либерализма // Общественные науки и современность (ОНС). 1993. № 3.
- Межуев В. Социал-демократия как политика и идеология. Российский вариант // Свободная мысль – XXI. 2001. № 2.
- Омельченко Н.А. Политическая мысль русского зарубежья. Очерки истории (1920 – начало 1930-х годов). – М., 1997.
- Пастухов В.Б. Конец русской идеологии // Полис. 2001. № 1.
- Пляйсс Я.А. Политические идеологии и формирование их в России // Политология и актуальные проблемы политической жизни современной России. – М., 2002.
- Проблемы и суждения: идеологическое измерение современной России // Полис. 1997. № 3.
- Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. Антология. – М., 1993.
- Рормозер Г., Френкин А.А. Новый консерватизм: вызов для России. – М., 1996.
- Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. – М., 2000.
- Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. – М., 1997.
- Соловьев Э.Г. У истоков российского консерватизма // Полис. 1997. № 3.
- Погорельский А. Социальный либерализм: перспективы России // Логос. 2004. № 6.

Прусс И.В. Рынок в будущее или движение по кругу (Экономические взгляды современных русских националистов) // Полис. 1997. № 3.

Холодковский К.Г. О корнях идейно-политической дифференциации российского общества // Человек в переходном обществе. – М., 1998.

Холодковский К.Г. Политическая модернизация и будущее России // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции. – М., 2004.

Шевцова Л. Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката // Pro et Contra. 2004. Т. 8. № 3.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Тема 1. Феномен политической идеологии в контексте исторического развития России	11
Тема 2. Либерализм: исторические корни, история эволюции	22
2.1. Либерализм в системе ценностей российского социума	22
2.2. Распространение либеральных идей в России в конце XVIII – начале XIX веков	24
2.3. Идейный расцвет «дворянского» либерализма в 50-е–70-е годы	30
2.4. «Новый либерализм»	35
2.5. Партийная дифференциация политического либерализма	40
Тема 3. Русский консерватизм: особенности традиции, идейно-политические течения	46
3.1. Концептуально-теоретические и политические особенности. Типологизация	46
3.2. Идейные истоки: зарубежные влияния, зарождение идеологии	50
3.3. Государственная идеология «николаевской реакции»: «Православие. Самодержавие. Народность»	52
3.4. Консервативный проект К. Леонтьева: критика буржуазной демократии; «византизм» и славянство	57
3.5. Политический консерватизм конца XIX – начала XX вв.	59
3.6. Эволюция правого консерватизма: черносотенство	62
Тема 4. Идеологии послереволюционной России: «сменовеховство» и «евразийство»	65
4.1. Идейный кризис политического сознания русской эмиграции	65
4.2. Национально-патриотическая идея сменовеховцев	67
4.3. «Евразийство»	68
Тема 5. Идеологический спектр современной России	79
5.1. Современное российское общество. Кризис идентичности ..	79
5.2. Идеологические ценности «посттоталитарного» массового сознания	83
5.3. Особенности идейно-политической дифференциации	87
Словарь терминов	94
Именной словарь	97
Список рекомендуемой литературы	101

Учебное издание

Шинковская Наталия Витальевна

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕОЛОГИИ
В ИСТОРИИ РОССИИ**

Учебное пособие

Редактор Л.И. Александрова

Корректор Л.З. Анипко

Компьютерная верстка С.Ю. Заворотной

Дизайн обложки Д.Р. Мамарасулова

Лицензия на издательскую деятельность ИД № 03816 от 22.01.2001

Подписано в печать 24.06.2005. Формат 60×84/16.

Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,0.

Уч.-изд. л. 9,1. Тираж 500 экз. Заказ

Издательство Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса

690600, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано в типографии ВГУЭС

690600, Владивосток, ул. Державина, 57